

ISSN: 036-8455

STUDY GROUP ON EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

NEWSLETTER

No. 30

DECEMBER 2002

Contributions to the Newsletter should be addressed to:

The Editor: Professor A.G. Cross, Department of Slavonic Studies,
University of Cambridge, Sidgwick Avenue,
Cambridge CB3 9DA

Enquiries about membership of the Group as well as subscriptions should be sent to the
Group's Treasurer:

Professor P. O'Meara, Department of Russian, Trinity College,
Dublin 2, EIRE

Individual subscriptions: £10.00

Institutions: £15.00

PLEASE NOTE: These amounts are to be paid in sterling only (cheque or banker's order, made
out to the Study Group)

with the following exception:

Individual American members may send their subscriptions (\$18.50) to:

Professor Thomas Newlin, Department of Russian,
222 Peters Hall, Oberlin College, Oberlin OH44074, USA

N.B.: Dollar cheques to be made out to **T. NEWLIN** and not to Study Group.

CONTENTS

page

SYNOPSES of Papers Read at the 43rd Meeting of the Study Group

Janet Hartley, "Charles Whitworth, English Diplomat in Russia — A Clash of Cultures?"	3
Gary Marker, "The Russian Veneration of Saint Catherine of Alexandria"	7
Giovanna Moracci, "К изучению комедий Екатерины II. Проблема авторства"	12
Ю-Фан, "Большой Китайский кабинет Китайского дворца в Ораниенбауме (к вопросу о 'шинуази' в русской культуре XVIII века)"	18
Rosamund Bartlett, "Opera in Eighteenth-Century Moscow and St Petersburg"	21

ARTICLES

E.K. Wirtschafter, "The Search for Society in Eighteenth-Century Russia"	24
A.G. Cross, "The Russians through Eighteenth-Century British Eyes: The Continuation or Modification of National Stereotypes?"	34
Raffaella Faggionato, "Религиозный эклектизм в России на рубеже 18-19 вв."	49

REVIEW

В.Н. Топоров, <i>Из истории русской литературы, Том II, Русская литература второй половины XVIII века ...</i> (Laura Rossi)	68
---	----

EDITOR'S POSTBAG

79

SYNOPSIS OF PAPERS READ AT THE 43RD MEETING OF THE STUDY GROUP AT HIGH LEIGH CONFERENCE CENTRE, HODDESDON, ON 3 - 5 JANUARY 2002

I. JANET HARTLEY (London School of Economics and Political Science, London), "Charles Whitworth, English Diplomat in Russia — A Clash of Cultures?"

Charles Whitworth (1675-1725) spent almost quarter of a century as a diplomat and served in posts in Ratisbon, Vienna, Moscow, The Hague, Berlin and Cambrai under three reigns (William and Mary, Anne and George I). This paper concentrated on his missions to Russia between 1705 and 1712 (he returned to Britain briefly in 1710-11). Whitworth's stay in Russia coincided with a significant reassessment in England/Britain of the importance of Russia to the balance of power in northern Europe in general and to English/British naval and commercial interests in particular. In 1705, Russia was regarded as significant only in terms of trade; Peter himself, Whitworth noted, was conscious that England 'has great occasion for *their* [Russian] *Trade*, but *little value for their Prince or people*'. Russia's low status was illustrated by the fact that it was seen as a convenient dumping ground for colonial tobacco and Whitworth was sent to Russia specifically to resolve disputes concerning a group of city merchants who had reached agreement with Peter over the export of tobacco to Russia during the tsar's visit to England in 1698. By 1712, when Whitworth finally left Russia, the situation had been transformed. Russia had triumphed over the Swedes at the battle of Poltava in 1709 and was a military and naval power to be respected and even feared. The change in British perceptions of Russia can be seen by the fact that Queen Anne had agreed to apologise formally to Peter in 1710 (through the person of Whitworth who was made an ambassador specifically for this purpose) for the affront to the Russian ambassador to Britain, Andrei Matveev, which had occurred two years earlier

(before the Russian victory at Poltava). This paper looked at two defining incidents during Whitworth's stay in Russia — the wrecking of the tobacco workshop and the Matveev incident — and assessed to what extent Whitworth's attitude towards his Russian counterparts was determined by his own cultural perceptions of the differences between the two countries.

Whitworth became embroiled in the tobacco dispute almost as soon as he arrived in Russia. Worried that a workshop run by English craftsmen would teach Russians the art of rolling tobacco and in the (mistaken) belief that he had been given clear orders by the government in London to take decisive action, Whitworth wrecked the workshop and destroyed all the machinery and implements. This incident — one which would be termed industrial sabotage today — concerned a dispute between two *English* factions and was therefore a reflection of disputes within the English merchant community (and within the Russia Company in particular) rather than a Anglo-Russian matter. Whitworth's activities concerning trading matters did, however, reflect his negative opinion of the policies of the tsar and his leading ministers and his assumption that Russia was backward commercially; 'the people here' he commented bluntly to one of the English tobacco contractors 'have but a very indifferent notion of trade'.

Whitworth concentrated much of his energies addressing two commercial issues which were generally regarded in this period as serious impediments to English trade: the false packing of hemp at Archangel and the Russian tradition of retaining or granting monopolies for many of the goods they exported. To Whitworth, both these aspects illustrated Russia's backwardness as a commercial nation. He constantly contrasted the efficiency and honesty of the inspection of hemp in Riga (which had only recently become a Russian possession) with the irresponsible and corrupt actions of the Russian authorities at Archangel. Monopolistic practice was generally regarded by English merchants as harmful and oppressive to trade, and Whitworth regarded it as one of his main achievements that he broke the monopoly on the export of tar from Russia and opened up this trade (of vital importance to the English navy) to all English

merchants. Whitworth's attack on monopolies, however, only served to antagonise Alexander Menshikov, who had made a personal fortune from the export of monopolies, and who could, and did, harm Whitworth negotiations on behalf of the tobacco contractors as a result. Whitworth presented his difficulties in commercial affairs at least partly in terms of differences of cultural attitudes. Russians, he considered, were not capable of taking a long-term commercial views as 'here nothing is valued except what brings with it a present and apparent advantage; past obligations, and the future interest not thought of'. The tsar regarded all concessions as a personal favour which demanded a favour in return. Nevertheless, Whitworth was aware that commercial negotiations were not only hampered by cultural differences. The main problem was the imbalance of trade between England and Russia which was greatly in favour of Russia and the fact that Whitworth could offer Peter nothing in return for any commercial concessions — either commercially or diplomatically.

In 1708 Whitworth became involved in another dispute which more acutely exposed different cultural perceptions but which also illustrated that Russia could no longer be dismissed as a minor power diplomatically. The Russian ambassador in London, Andrei Matveev, was arrested by bailiffs and briefly imprisoned in what was accepted was a breach of the admittedly rather uncertain assumptions of the time concerning diplomatic immunity. The affair dragged out over two years and was only settled when Whitworth presented a formal apology to Peter from Queen Anne in 1710. The protracted negotiations, however, exposed the different attitudes towards the law taken by the British and the Russians. In Britain, the incident led to a new law in September 1709 which established protection for foreign diplomats from criminal and civil proceedings. But Peter had favoured more direct action, namely the arrest and threatened or actual execution of all those involved! Whitworth recognised that this was, at least in part, a product of the very different legal cultures of two countries and, of course, of the superiority of the British system:

The methods of this [Russian] Government and especially the administration of justice differ more from those of Great Britain than the severity of their climate from the gentleness of English air, and therefore they are so little understood.

Whitworth also became aware, however, that intransigence was based not only on cultural differences but also on an astute realisation on the side of the tsar that Britain had been wrong-footed by the whole incident and that some diplomatic advantage could be gained from this. By the time the apology was given Russia had beaten the Swedes at the battle of Poltava and Whitworth's actions in personally presenting the British apology for the Matveev incident reflected this newly-acquired status. Whitworth may still have regarded Russia as a 'barbarous country' from which he begged to be recalled but it was now a country which had to be treated with some respect. Furthermore, in his later postings Whitworth came to regard other countries as equally uncooperative in commercial matters — including the Empire, Prussia and the United Provinces. He reserved his greatest contempt for the government not of 'despotic' Russia but of the republican United provinces. And, in a final irony, English law did not protect Whitworth's sister from threatened imprisonment for her husband's debts and English commercial activity resulted in Whitworth losing money in the South Sea bubble scandal!

* * * * *

II. GARY MARKER (State University of New York at Stony Brook), "The Russian Veneration of Saint Catherine of Alexandria"

This paper explores one of the least studied religious foundations of female rule in eighteenth-century Russia, the Russian veneration of St Catherine, and it shifts attention away from Catherine II toward Catherine I. Catherine II was preceded by three female crowned heads, as well as two *de facto* female regents. By the time of her coronation the narratives of female rule were well elaborated, if not exactly normative. Some derived from the previous century, but Peter's destabilizing decree on succession (1721), Catherine I's coronation in 1724, and her succession of him the next year collectively inaugurated modern female rule in Russia as an official and public fact.

That warrior myths constituted fundamental pillars for female rule is undeniable, but faith did as well. Legitimacy, especially one without any clear precedent, could derive not from conquest or pagan myth, but from God, a fact underscored by both the language and the ritual of the coronation. Like previous tsaritsy, Catherine was esteemed as "matushka-zastupnitsa", loyal helpmate to the tsar and the earthly counterpart to *Bogomater'*. Legitimizing the independent authority of women rulers required a holy antecedent whose authority transcended intercession and familial authority, however. For Catherine I, this was the role of St Catherine of Alexandria.

St Catherine's *vita* is almost certainly apocryphal but she was venerated as a virgin martyr and bride of Christ in both the eastern and western church for several centuries and only in 1969 did Rome drop her from the list of approved saints. St Catherine entered Russian Orthodoxy no later than the fourteenth-century *Prolog*, and her cult gained prominence in the seventeenth century. All the printed *mesiasoslovy* and *Prologi* include at least a brief mention of her. In 1660, Tsar Aleksei Mikhailovich had a vision of her in a dream, and the *vita* of the Old Believer martyr, Boiarynia Morozova, mentions her prominently. Muscovy also became the official protector of the St Catherine monastery in Sinai in 1687. Finally, Dmitrii Tuptalo (Rostovskii)

composed a lengthy new *vita* and other works about her. He emphasized her high birth, learning and wisdom, and beauty. That she was fit to rule was made clear by her superior oratory and by the prominent mention of the cross in her hand and her crown (venets), both as tiara and halo. She was repeatedly invoked as an angel of Christ, his love, and his bride, who is possessed of divine beauty. Dimitrii praised her for defending her faith in Pharaoh's realm, entitling her to the martyr's staff (*zhezl*), cross, sceptre and crown.

How were these ideals reproduced so as to fit the real life of the tsaritsa, or at least her official persona, during the last dozen years of Peter's reign? On 24 November 1714 Peter established a new, honorific "Order of St Catherine." Consisting exclusively of women, who were granted a status roughly equivalent to knighthood, the Order honoured female courage and was dedicated to the ransoming of prisoners of war, explicitly as a testament to Ekaterina Alekseevna's bravery at Pruth. The founding proclamations emphasized St Catherine's martyrdom, and her defence of Christian beliefs before Maximinus, Emperor in the East. In a less-than-subtle conflation, the living Catherine was publicly recognized as a defender of both faith and fatherland, like her "namesake and intercessor, the most blessed holy martyr Catherine," sacrificing worldly goods to the non-Christian Vizier of the East so as to save the Christian ruler and his men. The medal, or star, that is cast for the members of the order contains a cross surrounded by a wheel and was inscribed "For Love and Fatherland, meant to signify not merely Catherine's own bravery but also all previous acts of Christian liberation".

Numerous foreigners' accounts make it clear that people immediately became aware of the new order. Peter wasted no time in making the sash and star of the new order standard fare in official portraiture. A 1715 engraving by A. F. Zubov, for example, entitled "Presvetlomu tarskomu bogom sopriazhennomu soiuzu", shows Peter arriving on a ship, while on shore Catherine and their daughters await him. The star of St Catherine radiates so boldly on her torso that it appears to extend beyond her body.

These acts conveyed major elements of the saintly *zhitie* being inscribed on the tsaritsa: a queen surrounded by princesses so as to convey her newly royal blood; wisdom, selflessness, bravery, and great rhetorical power. Peter was the new Constantine, champion of the faith in and against the East, and Catherine, was his warrior bride, the new St Catherine, whose courage and wits safeguarded the eastern flanks of the Christian world. These intertwined themes recur in several other important texts (sermons, proclamations, engravings) from 1715 onward. Most interestingly, Gavriil Buzhinskii used Catherine's name day to emphasize the primacy of faith and to embed the Catherinian vita in a lesson of domesticity. This was the name day of the mother of the fatherland, the ruler's spouse, helpmate, and protector. St Catherine, thus, fulfilled what Buzhinskii termed the "economic" ("ekonomicheski chin") place as defined by God, caring for husbands, wives, all family members, orphans and servants. Buzhinskii described the tsaritsa as "the living image" (obraz) of the Holy Martyr. Like her namesake, the tsaritsa lived her life according to the dictates of their common teacher, the holy church. Peter the Great, he tells us in 1721, chose for himself a spouse who carries out the words of *Ecclesiastes* "the husband of a good wife is blessed, and his days are enriched." "O, the fruits of Christianity! O the deeds of youth! O, the love of the one who is like an angel! We speak here of our Tsaritsa's goodness, that she carried out those measures by her own labors that were difficult and seemingly impossible".

Further momentum to the veneration of St Catherine, if any was needed after those overpowering sermons, came in a decree of 1721 fixing certain days as major state holidays, including Catherine's name day. Henceforth November 24 would occasion a series of public celebrations in addition to the name-day service, a practice that Catherine continued after Peter's death. Catherine now regularly received congratulations on her name day, as did her favourites. Peter left no doubt that he expected the clergy to celebrate Catherine's name day as well as his own with a service and prayers of thanksgiving (*Ekteniia*) to her health. Those clerics who failed to do so

risked serious trouble. By the end of Peter's reign icons and visual images of St Catherine were being sold, apparently widely, on the open market.

Against this backdrop, the coronation resonated with tones of Christian empire and the grace of God, not to mention gender. It included a sampling of all the properties of Catherine/St Catherine. Now, however, these attributes had been effectively and repeatedly transposed from St Catherine to the tsaritsa. The coronation itself, like all of its predecessors, was a pre-eminently liturgical event: Peter's placing of the crown on Catherine's head was both preceded and followed by prayer and priestly invocations, and Catherine spent much of the ceremony on her knees in prayer. The elaborate ritual of *pomazanie* was far more important than Feofan's sermon (even if it did last an hour and a half). It is hard to imagine that those in attendance lost sight of the divine legitimation that it conveyed.

If all of this shows the centrality of faith to Petrine political culture, and the veneration of Catherine/St Catherine, it does not quite get to female rule. The available evidence gives little reason to imagine that Peter saw the coronation of his spouse as a prelude to her succession. Indeed, her iconography in the years preceding Peter's death was coming to emphasize ever more her wifely role. Peter's unexpected death in January 1725 and Catherine's elevation in spite of the absence of a named successor demanded a quick readjustment of the persona, to be sure, but only a modest one.

Feofan and Menshikov, according to most accounts, played the critical role in the immediate aftermath of Peter's death. It was left to Buzhinskii, however, to provide the spiritual message that enabled the transition to present the illusion of seamlessness. In a remarkable sermon preached on the first anniversary of Peter's death, Buzhinskii harkened to a theme made common in the panegyrics of 1725: the emperor's two bodies. Peter was dead in the flesh, his body lay in the sarcophagus, and yet he remained alive in the deeds and structures he left behind. "Peter the Great is alive: I am the resurrection and the life and whoever believes in me will live forever. This

knowledge should be a salve to your heart's wound, Russia," He is "forevermore our guide and teacher".

Peter also left behind his wife, Catherine, in whom he lives on as well. His spirit, then, was with Christ in Heaven, but his bride, the bride of the now heavenly Peter, lives on. Here, at last, we see the ruling Empress Catherine portrayed as the embodied image of St Catherine the bride of Christ, she on earth, her husband in heaven. The hermeneutic circle of female rule was now closed. Catherine now ruled as the chosen both of Peter and of Christ, the complete embodiment of Catherine/St Catherine— save perhaps the virginity.

* * * * *

III. GIOVANNA MORACCI, "К изучению комедий Екатерины II. Проблема авторства"

На протяжении XVIII века, драматургическая деятельность Екатерины II находилась в центре внимания, что легко объясняется значением личности и роли Екатерины в российском обществе и истории. Ее комедии и так называемые "исторические представления", как и комические оперы на ее либретто, многократно ставились на сцене. Некоторые из этих спектаклей могли видеть не только дворяне, но и зрители публичных и частных театров (Всеволодский-Гернгросс В. Н., Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы. 1750-1800 // История русского драматического театра, М., 1977. Т. I. С. 435-473). Постановки получили довольно широкий резонанс. В течение XIX и XX веков, однако, драматические произведения Екатерины потеряли свою актуальность, и в зависимости от историко-литературных категорий русской, советской и западной критики, интерпретировались по-разному. Сама историческая фигура Екатерины, как и других царей, постепенно заслонялась мифом, и теряла реальные контуры.

Для понимания механизмов сочинения не только театральных произведений императрицы, но и аналогичных текстов, созданных при российском дворе, кажется теперь необходимо изучать предмет заново, т. е. пересматривать источники, устанавливать реальные обстоятельства, в которых писала Екатерина. В результате архивных разысканий обнаружены значительные свидетельства авторства Екатерины. На основании просмотра рукописей ее пьес, "исторических представлений" и либретто могу сразу предположить, что императрица собственноручно писала драматические

произведения на русском языке (РГАДА, фонд 10, "Кабинет Екатерины II", М.; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, СПб.). Конечно, в ее автографах встречаются многочисленные грамматические и синтаксические ошибки, которые были исправлены писателями-секретарями - Иваном Елагиным около 1772 года и Александром Храповицким в 80-90-ых гг. Для изучения проблемы авторства Екатерины мне кажется особенно плодотворной методика современной социологии литературы (*Escarpit R., Sociologie de la littérature, Paris, 1968; Viala A., Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique, Paris, 1985*). При этом подходе, в рамках одной культуры происходит постоянный обмен сюжетами и структурами между "настоящей" литературой и второстепенной (дилетантской, маргинальной) литературной продукцией. Социологи литературы считают, что автор или произведение оказывается ценным в пределах данной литературы не как сумма эстетических качеств, а как узел сложных взаимоотношений: "автор - произведение - публика".

Екатерина написала 29 театральных произведений: семнадцать полных комедий, пять пьес в отрывках, в том числе переложения из Шеридана и из Кальдерона де ла Барка, три "исторических представления" и пять либретто. Итого, по объему продукции Екатерина представляет собою довольно крупного драматурга. Как известно, императрица решила выступить как драматург, сочинив несколько пьес на протяжении 1771-72 гг., и объединила эту группу комедий, сопроводив каждую припиской "сочинена в Ярославле". Хотя Екатерина сохранила анонимность, она представила себя публике как "господина сочинителя комедии О, время". Таким образом, она выстроила некоего автора, в том смысле, который этому слову придают сегодня социологи литературы. Согласно этому подходу в отличие от "писателя", т. е. человека, пишущего текст, автор - это настоящее или

придуманное имя, под которым собирается какой-то "corpus" текстов. Эти тексты могут быть приписаны какому-то "автору" последующей филологической наукой, или же настоящие создатели текстов могут их приписать какому-то мнимому автору, каким был например Козьма Прутков в половине XIX века. Примеры можно найти во всех литературах всех времен. В нашем случае писательница Екатерина построила некоего автора, "господина сочинитель комедии О, время", которому она приписала еще и все комедии с припиской "сочинена в Ярославле". Приведу архивные данные, которые позволяют уточнить некоторые обстоятельства.

Пьесы "О, время!", "Имянины госпожи Ворчалкиной " и "Госпожа Вестникова с семьей" не сохранились в екатерининских автографах. Рукопись "О, время!" написана рукой Елагина; "Имянины" - это черновая и беловая копия Елагина; рукопись "Госпожи Вестниковой" - это просто беловая копия неизвестного копииста. Интересно отметить, что рукопись "Имянины" является частью большой тетради из восьмидесяти страниц. Первые пятьдесят листов - это черновик, написанный рукой Елагина. С листа 52 начинается беловая копия Елагина, а через десяток страниц и до конца рукописи читается другой, неизвестный почерк. В черновой копии некоторые слова зачеркнуты красным карандашом и вставлены новые слова. Некоторые реплики переработаны. Еще, в каком-то месте красным карандашом вписан на полях большой знак "NB", и т. д. На листе 52 можно читать такую запись рукой Елагина: "Оригинал, каков к поправлению мне дан от Автора, от слова до слова и с тою же орфографией, дабы не был создан, как и первая комедия "О, время!".

Год от года можно наблюдать различия редакционного порядка в рукописях Екатерины. Из находящихся в нашем распоряжении авторских рукописей первым является автографом

комедии "Передняя знатного боярина" (1772). Рухопись Екатерины оказывається доволно грубой, а современные ей автографы "Неожиданного приключения" или "Невесты невидимки" гораздо более чистыми. Вероятно - это рукописи уже в переработанном виде. В этом отношении интересно отметить, что иногда бывает черновой автограф Екатерины, и ее же беловой автограф одной и той же комедии. Так обстоит дело с пьесами "Шаман сибирской", "Вот каково иметь корзину и белье", "Расточитель", "Недоразумения", и отрывок "Врун" - все тексты 80-ых годов. Если мы имеем черновой и беловой автограф, это еще не значит, что Екатерина сама их исправляла. На основании изучения произведений императрицы и просмотра рукописей, можно предположить, что оригинальные идеи, или замыслы перерабатывать, "склонять" именно ту или другую комедию принадлежали Екатерине. Она много читала, была культурным, остроумным человеком, о ее способности излагать как повествовательные сюжеты, так и полемические споры свидетельствуют ее переписка, мемуары, "Антидот". Без сотрудничества Елагина, однако, тексты остались бы незаконченными, и было бы невозможно их поставить в театре и опубликовать. Кроме того, как видно из рукописей, он принимал участие в переработке таких мест комедий, где речь шла о культурных, нравственных, "политических" вопросах, которые императрице хотелось особенно ясно представить публике. Отношения Екатерины и Елагина сложились на более равных началах, чем отношения императрицы и Храповицкого. Надо иметь в виду, что Елагин, видный писатель своей эпохи, оказался сторонником Екатерины в заговоре 1758 г., за участие в котором он был сослан в его казанское имение. Сразу после своего воцарения Екатерина вызвала его ко двору. Елагин был пожалован чином тайного советника, возведен в сенаторы и назначен главным распорядителем над

спектаклями и придворной музыкой. Другими словами, Елагин был для Екатерины не просто "секретарем", но и доверенным лицом, преданным ей человеком, с которым императрица делилась взглядами не только о театральных предметах, но и о политике.

Когда в 1785 г. Екатерина опять взялась за сочинение пьес, после долгого промежутка, ей помогал другой секретарь, Александр Храповицкий. Как известно, он тщательно записывал в своем дневнике главное содержание своих бесед с императрицей, иногда даже цитировал точные слова Екатерины. Поэтому "Дневник" является драгоценным, уникальным источником для истории ее театра. Очевидно отношения Екатерины и Храповицкого были очень формальными. Его обязанность ограничивалась исправлением и переписыванием пьес, часто с помощью его секретарей. Храповицкий также сочинял стихи для комедий, перерабатывая слова, которые Екатерина писала без ритмического деления, как например для первого действия комедии "Расточитель" (1786), где персонаж Поэт декламирует стихи. Ранее Елагин также поступил, исправив реплики Меремиды в "Передней знатного боярина" (явление 4). По "Дневнику" Храповицкого вырисовывается образ императрицы, более независимый от секретаря в сочинении театральных произведений. Тот же самый источник указывает на участие других лиц со своими поправками, например, Потемкина и А. Дмитриева-Мамонова. В результате можно построить "иерархию помощников" императрицы в сочинении ее театральных произведений. Елагин и Храповицкий являются самыми важными фигурами, без которых комедии Екатерины не были бы такими, какие мы теперь их знаем. Елагин оказывается притом "со-писателем" первых комедий. Потемкин, Дмитриев-Мамонов, Лев Нарышкин и,

наверно, кто-то еще, приняли участие в разработке или в исправлении нескольких екатерининских текстов.

* * * * *

IV. Ю-ФАГ (Тайвань), “Большой Китайский кабинет Китайского дворца в Ораниенбауме (к вопросу о «шинуазри» в русской культуре XVIII века).”

Мода на оформление интерьеров в китайском вкусе пришла в Россию в начале XVIII века из Западной Европы, где в результате смешения китайских и европейских мотивов, в рамках рококо, сложилась стилистическая тенденция, известная как «шинуазри».

«Шинуазри» в России представляет собой достаточно самобытное явление, что во многом объясняется географическим положением страны.

Между Востоком и Западом существовали два основных пути, по которым китайские художественные изделия попадали в Россию. Один – сухопутный – через Сибирь; другой – морской торговый путь проходил через Европу, где Россия приобретала не только полдинные китайские изделия, но и европейские имитации.

Петр I положил начало серьезному знакомству с китайским искусством во время своего путешествия по Европе. В царствование императрицы Анны Иоанновны начинают устанавливаться постоянные дипломатические отношения с Китаем. Во времена Екатерины II интерес к Китаю еще более возрос и углубился, охватив сферы философии, литературы, театра, архитектуры, паркостроения, изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Одним из наиболее значительных памятников «шинуазри» в России является Китайский дворец в Ораниенбауме. Большой Китайский кабинет поражает воображение богатством декоративной отделки, осуществленной по проекту архитектора А. Ринальди в середине XVIII века.

На стенах кабинета помещено 12 композиций из наборного дерева и слоновой кости на сюжеты, которые, как считалось тогда, были наиболее характерны для китайского образа жизни. В них можно выделить несколько тем: воспитание, изучение естественных наук и др. Кроме того, встречается немало таких характерных для европейской живописи мотивов как средневековые замки или голландские мельницы. Еще один интересный момент в представлениях

европейцев о китайцах – понятие о позе и манере поведения. Например, у сидящей женщины с цветком полуобнажены руки и видны ноги. Это противоречит канонам традиционного китайского искусства, запрещавшим изображение женских ног и обнаженных выше кистей рук.

Источником воображения мастеров служило главным образом декоративно-прикладное искусство Китая – росписи фарфоровых и лаковых изделий. Так в наддверные композиции входит стилизованное изображение узора «шоу» – пожелание благ (илл.1), обычно встречающееся на фарфоровой посуде (илл.2). Помещенный в раковинообразную форму, украшенную по краям растительным орнаментом, этот символ дополнен объемным изображением белых птиц, напоминающих Феникса, хотя в китайском искусстве Феникс не воплощался в скульптурных формах; его изображениями украшали одежду, мебель, посуду.

Другие композиции по длинным сторонам плафона дополнены геометрическими орнаментами, представляющими собой древний буддийский символ «вань» – долголетие, на фоне которых помещены маленькие фигурки – повторяющиеся изображения китайского божества «Милэфо» в виде мужской фигуры. Это доброе улыбающееся божество с большим животом с давнего времени было излюбленным предметом изображения в китайском искусстве. Оно стало очень популярным и в произведениях «шинуазри», наряду с такими мотивами и атрибутами как корзина с цветами, журавль, пион, зонтик, также используемые в декоре Китайского дворца.

Интересен узор на дверных проемах Большого Китайского кабинета, напоминающий греческий меандр. Он часто встречается в искусстве Китая, но для росписи по краю посуды: тарелок, ваз, кувшинов. Будучи изменен в своих пропорциях, этот изящный элемент декора, сохранив общий принцип применения, утратил присущую ему гармонию, но обрел новую функцию границы архитектурного пространства интерьера.

Апофеозом ансамбля Большого Китайского кабинета, да и всего дворца, является плафон Стефано Бароцци «Китайская свадьба» или «Союз Европы и Азии», символизирующий единение мира – одну из кардинальных идей Века Просвещения, особенно актуальную в России. В нем нет стилизации «под

Китай», но есть подлинно творческая трактовка нового аллегорического сюжета, рожденного в стране, лежащей между Западом и Востоком.

(илл. 1)

**ФРАГМЕНТ ПЛАФОНА БОЛЬШОГО КИТАЙСКОГО КАБИНЕТА В
ОРАНИЕНБАУМЕ. СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА.**

(илл. 2)

**ФАРФОРОВАЯ ТАРЕЛКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРЕВНЕГО
БУДДИЙСКОГО СИМВОЛА "ШОУ". XVIII ВЕК. ТАЙБЕЙ. МУЗЕЙ ГУТУН.**

V. **ROSAMUND BARTLETT (Departments of Russian and Music, University of Durham), "Opera in Eighteenth-Century Moscow and St Petersburg"**

Opera was first imported as a court entertainment by Anna Ioannovna in the 1730s, and this paper explored its development as a cultural institution over the course of the eighteenth century. Although there are many sources exploring theatrical life in the eighteenth century, comparatively few deal with operatic performance in any detail. R.-A. Mooser's classic Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIeme siècle (1948-51) was published over half a century ago, and Abram Gozenpud's pioneering Muzykal'nyi teatr v Rossii ot istokov do Glinki (Leningrad, 1959) has also long needed updating. The task of compiling a history of opera in eighteenth-century Russia has now been made considerably easier, however, by the recent publication of the magnificent Muzykal'nyi Peterburg: entsiklopedicheskii slovar', ed. A. L. Porfir'eva, 4 vols, St. Petersburg 1996-2001.

Opera performed an increasingly important role in the secular musical life promoted by Anna, Elizabeth and Catherine II, both in and of itself, and also as an effective means of advertising the magnificence of the Russian court. From the beginning operatic performances were seen as symbols of imperial power. The first troupe of Italian musicians arrived in Moscow from Dresden in 1731 to give the first opera performance in Russia. Three years later Anna Ioannovna commissioned Pietro Mira, her violinist and court jester, to go to Italy, and the Italian Court Troupe was founded as a result in 1735. The twenty-six year old Francesco Araia and his troupe performed the first *opera seria* in Russia in January 1736, on the occasion of Anna's birthday. The staging of *La forza dell'amore e dell'odio* took place in the Winter Palace and encouraged the German-born Jacob Staehlin (1709-1785) to write the first article about opera to appear in Russia. His detailed description of the history of this art form was published in Sankt-peterburgskie vedomosti between February and July 1738.

Araia was the first in a number of Italian composers to become *maestro di cappella* to the Russian court.

Elizabeth invested large sums in building court theatres in St Petersburg during her reign: the *Opernyi dom u nevskoi pershpektiv* (1742-43), which replaced the *Zimnii bolshoi teatr*, the *Opernyi dom u letnego sada* (1750-1763), the *Opernyi dom pri dereviannom zimnem dvortse* (1757-67), which later became a studio for Falconet, the *Opernyi dom v Bolshom zimnem dvortse* (1763), and theatres at Peterhof (1745), Tsarskoe selo (1750) and Oranienbaum (1756). Elizabeth commissioned the first Russian opera, Araia's *Tsefal' i Prokris*, with a libretto by Sumarokov, in 1755. She was also responsible for the arrival of Locatelli's Italian opera troupe in 1762, and made possible the opening of the first public opera house in Russia by handing over the premises of the *Opernyi dom u letnego sada* for the troupe's performances. Russian audiences now heard *opera buffa* for the first time. A Russian Court Troupe was established in 1759.

By the 1770s St Petersburg was regarded as one of great opera centres in Europe, but Catherine's proclivities were famously more Francophile than her predecessor (the Italian Court Opera troupe was disbanded in 1790). One of her first orders was to invite French musicians to St Petersburg and the French Court Troupe was founded in 1764. The appointment of the wildly popular Paisiello as *maestro di cappella* also reflects the change in tastes at that time towards comic opera. If Elizabeth was interested in theatre construction, Catherine was interested in organisation and she took a leading role in the development of theatre administration. Not only did she take an interest in appointing directors, she also became directly involved in opera by writing five librettos. It was during her reign that operas began to be staged by school pupils, both at the *Sukhoputnogo shlyakhetnogo kadetskogo korpusa teatr* (1769), and at the theatre built at the Smolny Institute (1776), where about twenty comic operas were performed between 1773 and 1782. In the summer of 1772 the first Russian comic opera, *Aniuta*, with a libretto by Popov, was performed at Tsarskoe Selo. Two important

theatres were also built under Catherine: Rinaldi's *Bol'shoi kamennyi teatr* (1775-1783), the first major public stage in St Petersburg, and Quarenghi's Hermitage Theatre, which opened in 1786, with performances restricted to the court.

Opera occupied an important place in the affections of Paul I, who had met Gluck in 1782 in Paris, and was au fait with his reforms. French comic opera was his favoured genre, however. In 1799 he replaced the enterprising and cultured Nikolai Iusupov as Director of the Imperial Theatres with his old friend Nikolai Sheremetev, who had taken over the running of his father's serf theatres in 1788. It was at this time that Maddox opened the first public theatres in Moscow (first the Znamenka, then the Petrovskii Theatre), where Russian comic opera was most frequently performed, due to there being fewer foreign performers there. Private serf theatres also became a common phenomenon towards the end of the eighteenth-century in Moscow (amateur performance had less appeal for sophisticated St Petersburg audiences), and the Sheremetev theatres at Kuskovo and at their Moscow home were the most famous. A sumptuous performance of Grétry's *Les Mariages samnites* was performed for Catherine II in 1775. Nikolai Sheremetev strove for high artistic standards, and his productions could certainly compete with those of professional theatres in Russia. In 1784 he began a correspondence about the latest operatic developments with a musician from the Paris Opera whom he had probably met in 1782 while accompanying Paul I on his incognito trip abroad. As a result, the Sheremetev theatre was the first to tackle Gluck's operas and those of his followers. The troupe was disbanded when Nikolai Sheremetev was appointed Director of the Imperial Theatres in 1799.

* * * * *

ARTICLES

I. THE SEARCH FOR SOCIETY IN EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA¹

Historians of old regime Europe customarily view society in terms of population, localities, institutions, or social categories and classes. Women's history adds the broad category of gender difference and, together with peasant studies and historical anthropology, draws attention to the family and patriarchal household. More recently, cultural historians, citing the theoretical work of Jürgen Habermas, invoke the category of the "bourgeois public sphere" situated between the private sphere of the household and the sphere of public authority represented by the state. In the "bourgeois public sphere," so termed because of its roots in the capitalist market economy, the freedom and openness of relationships within the private household extend into the arena of public authority. Through the development of autonomous civic organizations, the commercialization of print culture, the assertiveness ("new politics") of constituted bodies, and the formation of communities structured around sites of sociability, the "bourgeois public sphere" eventually limits the absolutist power of the state to the point where public authority becomes the common domain of society and government.²

Eighteenth-century Russia did not possess a full-blown "bourgeois public sphere" or a politically organized civil society independent of state authority. A realm of free market relations did exist (Hegel's definition of civil society), though often illicitly and without legal protections, as did a prepolitical literary public sphere grounded in print culture, learned and philanthropic societies, and masonic lodges.³ Russia also possessed strong family units, autonomous local communities, and a variety of legally defined social categories, created as tools of administration by the government and only partially

corresponding to actual social and economic relationships. How best to conceptualize Russian society within the spectrum of European history remains a complicated historiographic problem.

The dictionary of the Russian Academy defined society (*obshchestvo*) as “a people (*narod*) living together under the same laws (*zakony*), under known regulations (*ustavy*), [and] rules (*pravila*)”. A “people” (*narod*) designated “the inhabitants of a state, [or] some country, living under the same laws, and speaking the same native language”.⁴ In a polity that recognized equality before the law, the principle of a people living under common statutes would have described a universalistic society encompassing all citizens. But such a meaning could not apply in eighteenth-century Russia, where each individual belonged to a legally defined social category distinguished by specific tax and service obligations, and to a lesser extent by rights and privileges. A second meaning of society thus referred to a specific assembly (*soslovie* or *sobranie*) of people identified by a shared activity—for example, the society of educated people (*obshchestvo uchenykh muzhei*) or the society of merchants (*obshchestvo kupecheskoe*). In literature and journalism the term “society” also could indicate *le grand monde*, “the civil society of the educated”, or educated Russians who were “neither agents of the government (*pravitel'stvo*) nor in the traditional sense its subjects (*narod*)”.⁵ The first definition of society, as “a people living under the same laws,” referred to the official society of legally defined social categories. The second definition, an assembly of people pursuing a common activity, corresponded to specific occupational or service groups but also could encompass the cultural spheres of civic society outside law and administration—society organized around institutions of sociability such as salons and theatres.

Based on my previous studies of legally defined social categories and my current study of eighteenth-century plays, this paper explores how Russia's educated service classes—people who made laws and wrote plays—came to identify with a broader

“society,” or social way of life, beyond the immediate spheres of kinship and locality. In contrast to their Muscovite predecessors, eighteenth-century Russians self-consciously imagined themselves as members of a collective social body.⁶ Without awareness of a collective social body, administrative state building and the sustained mobilization of material and human resources—the basis for Russia’s political incorporation into Europe—would have been unthinkable.

Archival study of official social categories shows that the exercise of legal-administrative authority encouraged social integration by creating opportunities for people from all levels of society to promote and protect their interests. The possibility of obtaining justice based on legislative prescriptions did not eliminate arbitrariness and abuse, but it did define a moral standard that legitimized and encouraged popular action. Thus despite unpredictable and statistically meagre results, people appealed to the image of the good and merciful tsar. If they did not actually internalize the tsarist principle, they nevertheless used it in practical ways to demand just amends. This was not due to so-called “naive monarchism” but to the simple fact that final judicial and legislative authority lay in the hands of the ruler. The monarch was bound to obey the laws, but prior to the creation of the Duma in 1906, he or she also could change them at will. In the name of justice and mercy, monarchs likewise intervened in routine administration and responded to the petitions of a limited number of subjects. No matter how absolutist the institutions of the monarchy, the art of governance—the need to project governmental authority—required ongoing dialogue with “the people”.

Already in Muscovite times and continuing until 1917, the monarchy repeatedly consulted representatives of social groups, local communities, and central institutions on an *ad hoc* basis, in times of national emergency and in preparation for major reforms and legislative initiatives. Before 1906 society’s voice was not translocally formalized or institutionalized on any permanent basis, but consultation was practiced. Moreover,

because ordinary people were able to manipulate state prescriptions for personal gain, they too played a role in the legislative process. To paraphrase the apocryphal remarks of Catherine the Great to Denis Diderot, lawmakers did not write on blank paper; they wrote on human skin. Repeatedly, lawmakers issued new legislation in response to popular interpretations of legal formulas. This dynamic is clearly visible in a range of judicial proceedings.

Enormous technological and institutional obstacles to the implementation of legislative enactments also encouraged dialogue between the monarchy and the people. Limits to the effective exercise of state power left enormous discretionary authority in the hands of landlords, military officers, and local officials. Discretionary authority could be arbitrary and corrupt, but the wide latitude given to local communities also enhanced the autonomy of ordinary people. In the absence of constituted bodies such as guilds, diets, *parlements*, provincial estates, estates general, or the English parliament—bodies that linked the localities to each other and to the state—authority relationships operated on a local, informal, and personalized basis. Unlike their English and French counterparts, who appropriated locally constituted bodies in order to extend monarchical power, Russia's rulers had no such bodies to appropriate.⁷ Even in conditions of absolutist monarchy, state power remained remote and easy to evade; ineffective administration brought *de facto* freedom.

But freedom by default is not equivalent to modern civil society. The institutionally fragmented tsarist state was built upon a similarly fragmented Russian society, which possessed no politically organized translocal authority or representation before the late nineteenth century. The legally defined categories of imperial society were administrative tools of social control and governance: they defined formal rights and obligations—for example, tax and service obligations—as well as lawful economic opportunities and access to education and the rewards of service. They also were social tools that people

appropriated and effectively manipulated in their efforts to negotiate authority and survive economically. As with the idea of the just and merciful tsar, meaningfulness did not require that people internalize the categories as social consciousness. However people identified themselves, and they did so differently in different situations, the legal-administrative categories represented an important dimension of social life. For most of the imperial period, the official categories provided the only continual and comprehensive evidence of how educated Russians conceptualized and understood their society. Such conceptualizations then served as a basis for policy-making and social action. Because ordinary people could employ tsarist laws for their own purposes, their use of official social identities, like their use of the courts and the idea of the tsar, integrated them into the imperial polity.

Thus for the vast majority of eighteenth-century Russians translocal social integration occurred through identification with the monarchy and the exercise of legal-administrative authority. But educated Russians also articulated sociocultural identities outside the common good of the Petrine service state and the corporate constitutional order of the Catherinean charters. Concepts such as the "honorable public" (*publika*) and "civil society of the educated" (*obshchestvo*) conveyed a sense of social belonging even if they rarely achieved a secure, organizationally independent existence. Because the self-proclaimed public identities of Russia's educated classes lacked firm institutional moorings, their nascent civil society remained a prepolitical discursive ideal. A politically organized civil society independent of the state and market did not cohere in Russia before the late nineteenth century; however, as a consequence of the Petrine reforms, a civic society based on European forms of sociability and service for the common good did become established. Whereas Peter I employed violent force and ridicule to compel identification with society, by the reign of Catherine II both refined sociability and public service had become incorporated into the moral universe of educated Russians. In the

sphere of Enlightenment culture and sociability, historians can glimpse the outlines of this transformation.

Eighteenth-century theatre represented one of the earliest public forums in which Russians imagined a society of civic engagement. Yet theatre expressed deep ambivalence about civic society, which it depicted not only as a site for the realization of virtue but also as a source of moral corruption. The tension between these images, and their reconciliation within the terms of the literary plays, highlighted the new consciousness of a society beyond kinship and locality. *The Converted Misanthrope, or The Lebedian' Fair*, (*Obrashchennyi mizantrop, ili Lebedianskaia iarmarka*) (1794), a comedy by A. D. Kop'ev (1767-1846), explores the question of the virtuous individual's relationship to society.⁸ Drawing upon characters and themes developed in Denis Fonvizin's *The Minor* (*Nedorosl'*) (1783) Kop'ev aims to promote enlightenment and civic engagement by satirizing provincial nobles.⁹

The misanthrope of the comedy's title is Marshal of the Nobility Pravdin (Righteous), who has retired to the country after serving in the College of Foreign Affairs. Pravdin values his secluded life, removed from the immorality, insincerity, and flattery of people in society (*sver*). In service and travels abroad, he "saw society (*sver*) from all sides and found it full of pretense, deception, lies, and limitless self-love, which tramples all affection, friendship, and merit" (act 5, scene 1). Yet Pravdin's disdain for society does not preclude a desire for civilization. His praise for the educational and administrative reforms of Catherine II highlights the gap between ignorant and enlightened nobles. Pravdin works hard to persuade provincial nobles to send their children to the new public schools; some simply refuse because they have no experience of the capitals or ordered societies (*poriadochnye obshchestva*). These nobles also ignore the new judicial institutions, especially the conscience courts, which offer an alternative to the corruption of the old governor (*voevoda*). Pravdin recognizes that not all provincial nobles are ignorant and

unscrupulous, but, he asks, what sort of societies (*obshchestva*) can they have when five or six homes are dispersed over 500 versts? Such distances allow people to meet only for hunting or every three years for elections. The problem, Pravdin implies, is not the corruption of society but an absence of society: there are too few nobles in the district who can constitute society (*obshchestvo*). Moving beyond his earlier critique of *le grand monde*, Pravdin emerges as an advocate for well-ordered civic society.

Pravdin's evaluation seems to suggest that while society is needed to make the Catherinean reforms work, the reforms are needed to stamp out ignorance and corruption in society. Significantly, his understanding of society extends beyond fashionable sociability, which he, like so many other observers, finds wanting. Although Pravdin's lover seems to represent unspoiled natural innocence, his flight from town and court is not a Rousseauist affirmation of virtuous nature over corrupt civilization. Pravdin's struggle arises from the Kantian (and Catherinean) distinction between genuine and superficial enlightenment. Thus he notes that the freedom to enjoy entertainments away from the court and service is pleasant for people who know how to live correctly but harmful for those who do not. Pravdin distinguishes the true enlightenment realized in well-ordered society from the false enlightenment caused by poor education and injustice. Once Pravdin obtains what he unjustly has been denied—the hand of his beloved—he can return to service and society (*obshchestvo*). He can regard with indifference, rather than excessive sensitivity, the arrogance of exalted personages and the barbarity of rural ignoramuses. Ironically, it is through romantic satisfaction that Pravdin reconciles his personal sensitivity with the call to participate in civic society. The suggestion that his previous abhorrence for society resulted from personal unhappiness seems justified. Precisely because individual moral virtue cannot purge society of corruption, personal happiness makes it possible for the virtuous individual to remain publicly engaged.

The historical meaning of Pravdin's ambivalence toward civic society lies not in the resolution but in the posing of the problem. Both archival and literary sources depict relationships situated in a civic society of public engagement. On the one hand, civic society, which could be manifested in public authority or fashionable sociability, promised judicial protection and beneficial enlightenment. But on the other hand, the institutions of civic society allowed corruption, abuse, deception, and lies to dominate public life. This dichotomy set the stage for Pravdin's personal solution to the problem of civic society: the virtuous individual found a way to remain publicly engaged. The archival record likewise shows that policymakers embraced personal solutions to the problems of governance. Because the monarchy refused to elevate the rule of law over abstract justice and mercy, authority remained personalized. Good order hinged upon the rightful exercise of power by individual moral beings—seigneurs, military officers, officials, and the sovereign. This intersection between legal-administrative and cultural awareness thus suggests that the question of identification with a broader society arose from the need to reconcile cameralist state building with the Enlightenment or Christian goal of personal perfectibility. Put another way, how could the reconciliation of individual desire to God-given duty—a reconciliation theoretically achieved in household relationships—be extended into civic society?

Elise Kimerling Wirtschafter (California State Polytechnic University)

References

¹ The main points of this essay are based on material presented in Elise Kimerling Wirtschafter, *Structures of Society: Imperial Russia's "People of Various Ranks"* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994); *idem*, *Social Identity in Imperial Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997); and *idem*, *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater* (forthcoming from Northern Illinois University Press).

² Jürgen Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, trans. Thomas Burger with Frederick Lawrence (Cambridge, Mass., 1989). See also Craig Calhoun (ed.), *Habermas and the Public Sphere* (Cambridge, Mass., 1992). On the emergence of a "new politics" of open contestation within the institutions of the old regime, see Keith Michael Baker, *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century* (New York, 1990).

³ Roger Bartlett, 'Aufklärung, Adel und Gesellschaft in Russland', in *Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mülhlfeldt. Band 5: Aufklärung in Europa*, ed. Erich Donnert (Cologne, 1999), 521-30; *idem*, 'The Free Economic Society: The Foundation Years and the Prize Essay Competition of 1766 on Peasant Property', in *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus—Aufklärung—Pragmatismus*, ed. Eckhard Hübner, Jan Kusber, and Peter Nitsche (Cologne, 1998), 181-214; Adele Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia* (Princeton, 1996); Douglas Smith, *Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia* (DeKalb, 1999).

⁴ *Slovar' Akademii rossiiskoi*, 6 vols. (St. Petersburg, 1789-94, 1806-22).

⁵ Marc Raeff, 'Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Paedagogical Leadership, and the Enlightenment in 18th Century Russia', in *Alteuropa—Ancien Régime—Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung*, ed. Hans Erich Bödeker and Ernst Hinrichs (Stuttgart, Bad Cannstatt, 1991), p.109; Anthony G. Netting, 'Russian Liberalism: The Years of Promise' (Ph.D. diss., Columbia University, 1967), p.20.

⁶ Muscovite sources provide little evidence of Russians self-consciously imagining themselves as a social collective. Nancy Kollmann notes that "Muscovites did not reflect self-consciously on the collective body in which they lived....Muscovites did not have a collective vision, even a collective noun, for their society as an entity. They saw society in multiplicity, not unity." See Nancy Shields Kollmann, *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia* (Ithaca, N.Y., 1999), p.59.

⁷ Marc Raeff, *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800* (New Haven, 1983).

⁸ A. Kopiev [Kop'ev], *Obrashchennyi mizantrop, ili Lebedianskaia iarmarka. Komedii v piati deistviiakh* (St Petersburg, 1794). *The Converted Misanthrope* was performed in St Petersburg eight times in 1794-1800 and three times in 1803-4, in Moscow seven times in 1795-1800 and nine times in 1801-20. A. D. Kop'ev was the son of the Penza vice-governor D. S. Kop'ev. Registered in the Guards in 1775, he was promoted to

sergeant in the Izmailovskii Regiment in 1778. After 1791, as a member of the favourite P. A. Zubov's staff (*shtat*), Kop'ev quickly attained the rank of army lieutenant-colonel (*podpolkovnik*). In 1794 he participated in the taking of Warsaw and the subsequent suppression of the Polish insurgents. In 1797 Paul sentenced Kop'ev to four months' arrest and service in an army regiment for "bad behaviour". Entertaining anecdotes suggest that buffoonery aroused Paul's ire; however, the archival record reveals only that two months earlier Kop'ev had petitioned the emperor for leave from the Pskov Dragoon Regiment in connection with the death of his father. In 1802, under Alexander I, Kop'ev returned to St Petersburg, received the rank of major-general, and continued service. In 1808-10 he served on a commission investigating Finnish affairs and in 1827 was elected to the Shlissel'burg district commission responsible for the compilation of noble genealogical books. A colourful literary and active business figure, Kop'ev bought and sold estates in the St Petersburg area, participated in trade, and fulfilled state contracts. *Slovar' russkikh pisatelei*, II (St Petersburg, 1999), 123-6; *ES*, 31: 184.

⁹ *The Minor* was first performed in 1782 but not published until 1783.

* * * * *

II THE RUSSIANS THROUGH EIGHTEENTH-CENTURY BRITISH EYES: THE CONTINUATION OR MODIFICATION OF NATIONAL STEREOTYPES?

In 1798 the *Annual Register* recorded the discovery of a new way of printing by the celebrated Parisian engraver and printer Firmin Didot, together with a German by the name (inevitably in the context of this paper!) of Herman. A revolutionary method, allowing multiple, unchanging copies to be produced very economically, if not always attractively, from a solid plate, it was seized upon, for example, by the British and Foreign Bible Society in the 1820s as ideal for the production of translations of the New Testament. It was not long, however, before the word, in variants as noun, epithet and verb, came to be applied figuratively or metaphorically. 'Sterotyped' became relatively common from about the 1850s, used among others by the formidable Mrs Gaskell with her "stereotyped commonplaces", but it was only in the twentieth century that 'stereotype' enjoyed popularity among various types of -ologists, with the meanings of "a preconceived and oversimplified idea of the characteristics which typify a person, situation, etc; also a person who seems to conform closely to a type".¹ It is now part of everyone's vocabulary with overwhelmingly pejorative connotations: stereotypes we have long since been schooled to regard with feelings ranging from pity through contempt to derision; and to call someone "a real stereotype of an Englishman (or a Frenchman or a Russian)" is equivalent to saying "he is a caricature". Such an attitude posits the belief that we are all individuals and our individuality cannot be properly encompassed in any set of general characteristics, be they of family or country or whatever. Stereotyping is, however, comfort food, and like most comfort foods, it can induce undesirable effects in one's mental waistline, but not always, and at the very least it challenges every traveller and commentator to offer his more subtle, nuanced and informed variant, to forsake the solid plate for the moveable type. The urge to generalize seems endemic; and to speak of the Russians rather than of a single Russian might appear to command more respect, more attention. To categorize, to classify, to pigeon-hole is all part of the wish to make sense of the confusingly disparate and varied. If earlier, it had been appealing to allot people to 'humours', in the eighteenth

century, with its need to rationalize and order, people would seem to be as suitable cases for classification and categorization as minerals and plants and, indeed, animals.

If we seek those responsible for creating English stereotypes (*avant la lettre*, of course) of Russia and the Russians, they are not hard to find. Cherchez les elisabéthiens! First-footers with a penchant for writing inevitably create the first images on which stereotypes are built and those Englishmen who invaded Russia in the wake of Richard Chancellor had their writings gathered by Richard Hakluyt and made available in his influential *Principal Navigations* (1589 and 1598), there to be consumed by a reading public, much given to travel literature, as an exciting glimpse of a new and exotic land, to provide endless new subjects for the chattering classes (what better than wife-beating or, say, Chancellor's description of the *rosomakha*, the wondrous self-administering midwife, which, "when great with young and ready to bring forth", presses itself between two stakes to speed the process),² and to be plundered by poets and dramatists in search of new realia and similes to enliven their texts. When the first Russian embassies descended on London, they were gaped and marvelled at as though they were visitors from the moon.

The impact that Muscovy made on Shakespeare and his fellows has been charted in great detail;³ it is a furrow not to be ploughed again, other than to note perhaps some of the features that assumed particular prominence and emphasis. Tyranny, beginning with the tsar and extending downwards to all aspects of class and family relationships; a church to be scorned for its superstitions, its images and its woeful clergy; ignorance widespread and, indeed, encouraged; extreme cold and its effects; strange dress; heavily painted women; immorality, drunkenness, deceitfulness, idleness, subservience. Among the few positive aspects noted were an aptitude for chess and a resistance, particularly valued among soldiers, to extreme cold and deprivation. All could be illustrated many times over from the texts of the voyagers and from the literary texts that fed on them. Although George Turbervile, the poet who accompanied Sir Thomas Randolph's embassy in 1568-9, produced many a pithy and dismissive line, before confessing that "if I would describe the whole, I fear my pen would faint",⁴ it was Giles Fletcher's *Of the Russe Commonwealth*, written after his visit in 1588 and first published in 1591, that achieved a success of enduring esteem and immediate scandal and became the indispensable source book for subsequent authors, including his

own sons, the poets Giles and Phineas, the latter of whom undoubtedly followed his father in referring to "slavish Mosco's dullard sluggishness".⁵

At the end of his third epistle Turberville, "to ease my pen of pain", advises his friend Parker that "if thou list to know the Russes well,/ to Sigismundus' book repair, who all the truth can tell". The reference, of course, is to Sigismund von Herberstein's *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, first published in 1549 and re-appearing in numerous editions and translations: it is a reminder of the common and slowly widening pool of texts available to western European visitors that treated what for most of them was, and remained, "a strange and barbarous kingdom". In the seventeenth century, when relations between Muscovy and England rapidly deteriorated, particularly following Charles I's execution in 1649, the authority of the English materials in Hakluyt, particularly of Fletcher's book which he held up as a model, was underlined by John Milton in his compilation, *A Brief History of Moscovia* (1680). Fletcher's *Of the Russe Commonwealth* itself appeared in new editions in 1643 and 1657, anticipating by a few years significant additions to the corpus of eye-witness accounts from the Holsteiner Adam Olearius, whose *Voyages and Travels* appeared in English translation in 1662, 1666 and 1669, and from Samuel Collins, physician to Tsar Aleksei Mikhailovich, whose posthumous *Present State of Russia* (1671) was a rumbustious justification of his view that "the Russians are a People who differ from all Nations of the world, in most of their actions",⁶ which, indeed, was not intended as a compliment.

By the end of the seventeenth century there was a high degree of harmony among European observers of the state of Muscovy and its people. There was real value in much that had been written by such serious observers as Herberstein, Fletcher and Olearius, but the political analyses and other matter that reveal the perceptiveness and the caution of the authors, the small print, as it were, inevitably lost out to the colourful, easily retained features that formed stereotypes. What might be termed the English accent, a particular English emphasis, was perhaps detectable in the vehemence of the denunciations of the church, in the barely concealed intellectual superiority, even arrogance, and in the pride of being English and enjoying the fruits of law, all of which are apparent, for instance, in Fletcher's dedication to Queen Elizabeth. The English view of Russia *de haut en bas* was rarely to be lost in the eighteenth century.

That the visit to England of Peter in January 1698 was a momentous event in Anglo-Russian relations is beyond dispute; what corrective or modification it might have brought to the British perceptions of his country and its inhabitants is more of a moot point. Designed undoubtedly as a catchpenny publication to coincide with the tsar's arrival, the Cambridge M.D. and occasional writer Jodocus Crull's *The Antient and Present State of Muscovy* (1698) drew on Olearius and the predictable English sources to produce a familiar picture of ignorance and stagnation but also to highlight the contrast implicit in the title. Muscovy was to have its saviour in "a most Genuine and Active Prince", who "by his Travels into these parts being convinced of the incomparable benefits both Prince and People enjoy under such Governments as are founded on the basis of their own Laws, and not the Arbitrary Will of their Princes, should be so generous as to make his Subjects partakers of so great a Bliss".⁷ The first half of the eighteenth century and beyond was to witness the emergence and consolidation of the myth of Peter the Great, to which England was to make its own significant contribution and in which the Russian players were to be given well-defined roles.⁸ The cast was to include, apart from the all-dominating male lead, a small and putatively growing band of New Russians, a large section of clergy and *boyars*, content with the *status quo*, wallowing in superstition and ignorance, and the black masses, whose role might fluctuate depending on the exigences of the plot, but usually embodying all the vices and deficiencies noted by Turbervile, Fletcher & Co.

The visit itself excited the same sort of curiosity as earlier embassies in Elizabethan times, but with the most singular addition of Peter himself, whose conduct in the main can only have confirmed existing prejudices. A barbarian with manners to suit, but the redeeming aspect was the wish to learn, and to learn shipbuilding and much else from that great dispenser of wisdom, England. Once comfortably out of sight, Peter became a hero of the enlightenment, although the image was not always unchallenged (by such as Bishop Burnet and Daniel Defoe). Such reservations, however, were lost in a crescendo of laudatory biographies, to which even Defoe succumbed, and of eulogistic poetry. The poets, led by Aaron Hill and including, most notably, James Thomson, all sang the same song of praise, which made at least two basic assumptions, firstly, that all that the English and other western European commentators had said, negatively, about the Russians was correct and, secondly, that

Peter had been able to do something about it and lead them towards civilization as it was understood and enjoyed by the English. From an embarrassment of poetic riches, or should it be, a richness of poetic embarrassment, one might cite a passage from the epitaph which first appeared at the end of John Mottley's *Life of Peter* and in numerous other places subsequently:

{Peter}
Found Subjects, base and inactive,
Unwarlike, unlearn'd, untractable,
Neither covetous of Fame,
Nor liberal of Danger;
Creatures, with the Names of Men,
But with Qualities rather brutal than rational;
Yet, even These
He polished from their native Ruggedness,
And, breaking out like a new Sun,
To illuminate the Minds of a People,
Dispell'd their Night of Hereditary Darkness.⁹

Of course, in such a scenario, it mattered little whether Peter accomplished anything in terms of civilizing his subjects, although such eye-witnesses as the authoritative and influential Captain John Perry assured his readers that he did, or whether things remained as before, as suggested already in the 1730s by Francesco Locatelli: "Is it possible that his Subjects should be yet in the same State of Barbarity, they were in, long before his Reign? Where are then the Fruits of his Labour? I could not find that this Prince had changed the Genius of his Nation, and I had but too much Experience of the contrary".¹⁰

Was there not evidence, however, of the new Petrine man, which might affect the existing stereotypes? It would seem obvious to start with Peter's retinue in London and a clear candidate was his protégé Aleksandr Menshikov. Menshikov as Prince Alexander, or a character pretending to be he, made his appearance in at least two plays early in the eighteenth-century: in William Burnaby's *The Ladies' Visiting-Day* (1701) and Colley Cibber's *The Double Gallant: or, the Sick Lady's Cure* (1707) he is portrayed as a somewhat exotic new type of suitor; whilst in John Corey's *The*

Metamorphosis: or, The Old Lover Out-witted (1704), there is a reference to him and his master "in their Wastcoats and Drawers, hard at Work with the Shipwrights".¹¹ It was Menshikov who was elected to the Royal Society, allegedly "for his benevolent zeal and concern for the dissemination of the sciences and the arts", in 1714,¹² the year when there appeared the short-lived weekly sheet entitled *The Muscovite*: its hero, named Plescou, was introduced by his English interlocutor as "a Muscovite, who, having enjoyed a noble Encouragement from his Prince for several Years, has employed it in travelling through the most civilized Countries, where he has filled his Mind with the most valuable Parts of Knowledge, but especially with that of Mankind"¹³ The evidence suggests, however, that the real Russian apprentices who were sent in groups to England during Peter's reign would have done nothing to dissuade the generally xenophobic English with whom they came in contact that the existing stereotype might be amended.¹⁴

Until the end of Peter's reign at the very least the dominance of western writings on Muscovy and Russia and the very paucity of available Russian materials led inevitably to what has been called "unilateral ethnography".¹⁵ While the West was content to feed on its growing literary legacy, the Russians had as yet little to offer as counter-propaganda. In the years following Peter's death there were, however, at least two examples of western authors using Russian sources, written and oral, if not exactly to foster a new image of the Russians, then at least to provide the beginnings of cultural dialogue. The very orientation of the Rev. Thomas Consett's *Present State and Regulations of the Church of Russia* (1729) was novel in that he proposed to "lay a sure Foundation of future History, by drawing out of the Language of the Country some authentick Records which will, and must be allow'd to be proper Materials for Historians to work with hereafter".¹⁶ Nevertheless, all was for the future, for Peter had found "his Church, Christianity in its utmost Decay, all over his Dominions Superstition and Ignorance universally prevailing, a general Corruption of Manners, and his People grown almost savage and barbarous" and he determined, as a result of his travels, to rub off "the rust of that Bigotry to his own Religion, which his People seem generally to have contracted".¹⁷ It was essentially the debate on the effectiveness and validity of Peter's reforms and on the character of the tsar that was initiated by Philip von Strahlenberg in his *Historico-Geographical Description of the North and Eastern Parts*

of *Europe and Asia* (1730; English translation 1738), where he introduced "the different Opinions and Reasonings which, after my return from *Siberia*, I heard in *Muscow*, from *Russian Vassals of Credit and Reputation*, on either side".¹⁸ While such a process of using native sources might seem a wholly positive development towards a more objective view of national characteristics, it was not necessarily so. Thomas Birch, who was to use both Consett and Strahlenberg for an essay on Peter published in 1739, quoted an unidentified author to reject criticism of the tsar as "the voice of envy and revenge, and [that] proceeds, it may be, from those only, who could not endure his glory, or who hated to be civilized; who were sottish enough to imagine, that the disgrace and ruin of a people must be the consequence of deviating from the customs, or even the barbarity of their forefathers".¹⁹ Those Russians who spoke both for and against the tsar were obliged to use the vocabulary and imagery of a Europe to which they had been willy-nilly attached and in the context of which, as the century aged, they were to define themselves or their fellow countrymen as backward, barbarian, conservative, traditionalist or progressive, civilized, reformist, enlightened.

Birch was writing for an encyclopedia cum biographical dictionary, an expansion of Bayle, and it might be thought that such publications were designed to carry the current state of knowledge about all aspects of foreign countries, including their mores and culture to the public. That, of course, would be naive. In 1768, already a good few years into the reign of the great Catherine, Tobias Smollett, no less, began to publish his *Present State of All Nations, Containing a Geographical, Natural, Commercial, and Political History of All the Countries in the Known World*. His intentions were impeccable, his achievement less so. Russia appears in volume I of "a work more complete and comprehensive than any production of the same nature which hath hitherto appeared",²⁰ but it is disconcerting to discover that the 112-page entry entitled 'Russia, or Muscovy' is based on a bibliography that lists as authors consulted Herberstein, Fletcher, Olearius, Le Brun, Ides, Perry, Whitworth, and as its most recent, Jonas Hanway, whose *Historical Account of the British Trade...* appeared in 1753. It thus perpetuates in virtually every aspect what was first conveyed two hundred years previously and passed down as gospel, with the merest nod towards an eighteenth century and then almost entirely in the form of Peter and his reforms. Without pointing out other absurdities, let us just look at the section 'People: Their Character, Manners,

and Customs', where "the Russians are stigmatized by their neighbours as an ignorant brutal people, totally resigned to sloth, and addicted to drunkenness, even in the most beastly excess" and so much more in that spirit about a country where, incidentally, "at present there is no other degree of the nobility, but that of the boyars".²¹ The nod towards modernity, as it were, is in the final sentence of this paragraph: "by this time, however, the French fashions prevail among the better sort throughout all Muscovy".²² It will occasion no surprise that the only mention of St Petersburg is as the place of the great Peter's death at the end after a travesty of a chapter entitled 'Reformations effected by the Czar Peter'. Otherwise to read Smollet is to read an ill-digested Hakluyt.

Of course, things could only get better, or could they? Looking ahead some forty years, the *View of the World* (1808) manages to repeat almost everything Smollett had said about the Russians in the context of a half-baked historical survey that purported to take events up to the end of the eighteenth century²³ - and this, despite the fact that the last decades of the eighteenth century had witnessed a veritable explosion in information about Russia.

Twenty years after Smollet, the Rev. John Trusler undertook an enterprise similar in title, but not in execution, to his predecessor's. *The Habitable World Described, Or the Present State of the People in All Parts of the Globe, from North to South* promised further into its page-long title that there would be "nothing advanced but on the best Authorities", and for once a promise was kept. It was Trusler who introduced the works of scholars from the Petersburg Academy of Sciences, such as Gmelin, Krasheninnikov, Müller, and Pallas, to describe regions and peoples of the Russian Empire, and who for Russia itself (which he terms 'Little Russia') made a judicious selection from English accounts by Perry, Hanway, John Glen King, Nathaniel Wraxall, William Coxe and unspecified others. It is possibly the best synthesis available to the British public in the eighteenth century, which is not to praise it excessively. The description of 'the Russians' is nonetheless not among its more impressive pages:

The Russians are, generally speaking, a personable people, rather Dutch-built, and inclined to be corpulent; at least, this is what they admire: they are hardy, vigorous, and patient of labour. Their complexions differ from those of the

English, or Scots; but the women think an addition of red paint, heightens their beauty. Their eye-sight seems to be defective; perhaps owing to the snow. The army possess a great share of passive and active labour; will live hard, and submit to the strictest discipline. The temper of the Russians, however, has not been much admired: they are held to have good parts, but to be very deceitful, and not to have a proper sense of shame.²⁴

This last deficiency arose, of course, from the alleged promiscuity of the *bania* which foreign visitors from the sixteenth century had observed with fascination and recorded with horror.²⁵

Trusler's worthy mentor was, however, the Rev. William Coxe, who allowed him, as it were, to suggest that things were changing and that the Russians "do not now, deserve so severe a character": the peasants "are remarkably kind" and the hospitality of "the better class of people" is notable, no less so is the assertion that the latter "never deviate from the strictest sobriety".²⁶

The sister of the English ambassador James Harris, who was among Coxe's informants, was to note in her journal that to live in Russia in the 1770s was "like living in the time of ones Great grandfather to all the other civilised European Nations".²⁷ This in itself would have been considered too generous a concession by many Britons, but it was among Coxe's signal services that he provided extensive evidence of the advances "towards civilization" by detailing not only institutions but also naming "new men". A striking tribute to his beneficial influence is provided by a comparison of the Russian entries in the first and second editions of the *New and Biographical Dictionary*: the first (1761-7) celebrates only Peter; the second (1784) includes examples of enlightened Russians in Kantemir, Kheraskov, Khilkov, Lomonosov, Sumarokov, Shcherbatov, Prokopovich, Tatishchev and Fedor Volkov, all based on Coxe's *Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark* (1784). It was the very popularity of Coxe's work, going into a sixth edition within twenty years, that brought the possibility of a modification in the prevailing stereotypes. We have ample evidence of how widely he was read, how authoritative was his voice.

His voice was not, however, an isolated voice in the 1780s. 1784 was also the year of the publication of William Richardson's *Anecdotes of the Russian Empire*, which offered perhaps the most penetrating analysis of the Russian social structure and

certainly, the most thorough-going and sympathetic account of the life of the Russian peasantry available in eighteenth-century Britain.²⁸ Also emanating from Scotland were a well-informed but anonymous essay under the title 'Some Particulars respecting the Manners and Customs of the Russian Peasants', appearing in *The Aberdeen Magazine* in 1788,²⁹ and a sentimental traveller in the Sternian mould, Andrew Swinton, who amusingly proclaimed that

A foreigner, in order not to be prejudiced at first sight against the Moscovites, must possess a considerable degree of apathy, or at least of patience. Their dress is uncouth, their manners awkward, if not barbarous; and every third person you meet is drunk. I will not therefore give way to first impressions: have patience with me until I have resided for some time in Russia, and I promise a faithful portrait of the children of Peter, for whose sake I am disposed to think the best of them.³⁰

Certain features in the British perception of the Russians remained constant and, indeed, dominant. Freedom, or at least the British belief that they possessed it and enjoyed its benefits, while the Russians at all levels, but particularly the peasantry, were deprived of it, remained the key issue and refrain in all accounts, whether of consequence or superficial. Coxe, for instance, believed that "it may be perceived, that, though proceeding towards civilization, they are still far removed from that state; that a general improvement cannot take place while the greater part remain in complete vassalage; nor can any effectual change be introduced in the national manners, until the people enjoy full security in their persons and property".³¹ "Exposed to corporal punishment, and put on the footing of irrational animals, how can they possess that spirit and elevation of sentiment which distinguish the natives of a free state? treated with so much inhumanity, how can they be humane? I am confident that most of the defects which appear in their national character, are in consequence of the despotism of the Russian government" was Richardson's view.³² Contempt for the Russian clergy remained widespread, despite attempts to disseminate knowledge of the practices of the Orthodox Church and the respect expressed for certain of its higher representatives (most notably, of course, Platon).³³ Understanding of the sad lot that was the village clergy's was rare, and where it was to be found, as in the notes of Reginald Pole Carew, for instance, it remained unpublished.³⁴ Finally, despite the vastly increased presence

of Russians, both nobles and more humble beings, in Britain during Catherine's reign, Russians were still regarded with amusement, disdain or awe, as witnessed in the remarks of, notoriously, Horace Walpole, or of Fanny Burney, on meeting her first Russian.

It was unfortunate, however, that any improvement or modification to the enduring stereotypes of Russia and the Russians that might have been introduced from a reading of the greatly esteemed Coxe or, perhaps, of the much less widely known Richardson and Swinton in an atmosphere of relatively warm Anglo-Russian relations should founder on the political events of the century's final decade. Coming on the heels of the Ochakov Crisis, when English public opinion was truly divided, the Third Partition of Poland, particularly the massacre of the inhabitants of Praga, the suburb of Warsaw, in 1794, occasioned a hardening in attitudes that was to be sealed by the final events of the reign of Paul I. Paul came to embody Russian tyranny on the throne, even more repulsive than before, because he dared to threaten the English. It was precisely at this time that another Cambridge don, Edward Daniel Clarke, travelled through Russia with his pupil John Marten Cripps and launched his invective against all and sundry in his letters home and in his subsequent travel account (published for the first time in 1810).

The picture of Russian manners varies little with reference to the Prince or the peasant. The first nobleman in the empire, when dismissed by his Sovereign from attendance upon his person, or withdrawing to his estate in consequence of dissipation and debt, betakes himself to a mode of life little superior to that of brutes. [...] The same feelings, the same wants, wishes, and gratifications, then characterize the nobleman and the peasant; and the same system of tyranny, extending from the throne downwards, through all the bearings and ramifications of society, even to the cottage of the lowest boor, has entirely extinguished every spark of liberality in the breasts of a people composed entirely of slaves. They are all, high and low, rich and poor, alike servile to superiors; haughty and cruel to their dependants; ignorant, superstitious, cunning, brutal, barbarous, dirty, mean.³⁵

Clarke does not hesitate to indicate who were his sources of inspiration, referring us to Hakluyt and quoting with relish from Turbervile's poems, for "they prove that Russia ,

when they were written, appeared as it does at this day".³⁶ These authors were English after all, and "neither [...] the drivellings of Voltaire, nor all the hired deceptions of French philosophers and *savans*" can disguise the face of unchanging Russia.³⁷

Clarke, rather than Coxe (or, indeed, William Tooke),³⁸ became the text for the early nineteenth century, particularly in the period of Russophobia leading up to the Crimean War. In times of tension the worst one nation thinks about another wells up irresistibly in the consciousness and the cliché comes almost uninvited to replace the nuanced insight. The modest advances that had been made in preceding decades towards a more sympathetic and contextualized understanding of the Russians and of the peasantry in particular were easily lost. The 'masses' were at best pawns on a chessboard, to be sacrificed lightly. Their enlightenment was perforce superficial; they had a gift for imitation, but not for real achievement. In the final reckoning, stereotypes have proved more durable than the plates after which they were named and say as much, if not more, about the British than about the Russians.

Literature is a potent force in the forming of stereotypes; perhaps, ultimately most influential in changing or modifying stereotypes is the *widespread* reading in translation of the literature of the target country. Russian literature remained virtually unknown in England until the later decades of the nineteenth century and it was only through the popularity of the Russian novel, as exemplified firstly in Turgenev and then even more potently in Tolstoi and Dostoevskii, and then in the drama of Chekhov that Britain came to perceive with fresh eyes Russia and the Russians. The first two decades of the twentieth century were the years of the 'Russian Fever', Europe's heady enthusiasm for all things pertaining to Russian theatre, dance, art, literature. Perhaps the words of an English novelist who was as infected as any in that period but who managed to utter words of wisdom through his narrator might serve as an epitaph on the subject of stereotypes: "if you are going to tell me that any aspect of Russia, psychological, mystical, practical, or commercial seen through an English medium is either Russia as she really is or Russia as Russians see her, I say to you, without hesitation, that you don't know of what you are talking".³⁹

References

- ¹ All the above definitions and examples are taken from the *Oxford English Dictionary* (2nd ed., Oxford, 1989), pp. 651ff.
- ² Lloyd E. Berry and Robert O. Crummey (eds.), *Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century Voyagers* (Madison, Milwaukee and London, 1968), p. 23.
- ³ Cf. Robert Ralston Cawley, *The Voyagers and Elizabethan Drama* (Boston and London, 1938), pp. 253-71; J.W. Draper, 'Shakespeare and Muscovy', *Slavonic and East European Review*, XXXIII (1954), 217-21; M.P. Alekseev, *Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek - pervaya polovina XIX veka)* (*Literaturnoe nasledstvo*, XCI) (Moscow, 1982), pp. 17-66.
- ⁴ Quotations from his three epistles, 'To Dancie', 'To Spencer' and 'To Parker', Berry and Crummey, pp. 75-84.
- ⁵ Cawley, *The Voyagers*, p. 254.
- ⁶ [Samuel Collins], *The Present State of Russia in a Letter to a Friend at London* (London, 1671), p.
- ⁷ J[odocus] C[roll], *The Antient and Present State of Muscovy, containing a Geographical, Historical, and Political Account of all those Nations and Territories under the Jurisdiction of the Present Czar*, I (London, 1698), 171.
- ⁸ See my *Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698* (Cambridge, 2000).
- ⁹ John Mottley, *History of the Life of Peter I, Emperor of Russia*, III (Dublin, 1740), 401-2. (The author was a Christopher Wyvill.)
- ¹⁰ [Francesco Locatelli], *Lettres Moscovites: Or, Moscovian Letters. Containing an Account of the Form of Government, Customs, and Manners of that Great Empire* (London, 1736), p. 28. The English translator's note to this passage is equally revealing: "Peter I has been often heard to say, That he had made Men of Beasts; but that after his Death, they would turn to Beasts again; and the Author of these Letters seems to justify the prophesy".
- ¹¹ Richard Morton and William M. Peterson, 'Peter the Great and Russia in Restoration and Eighteenth Century Drama', *Notes and Queries* (October 1954), pp. 429-30.
- ¹² Contemporary English translation from the Latin original in Simon Dixon *et al.* (eds.), *Britain and Russia in the Age of Peter the Great: Historical Documents* (London, 1998), pp. 133-4.
- ¹³ *The Muscovite*, no. 1 (Wednesday, 5 May 1714), p. 1. See Iu. D. Levin, 'Angliiskii zhurnal "Moskovit" (1714)', in Iu. D. Levin and K.I. Rovda (eds.), *Vospriiatie russkoi literatury na Zapade* (Leningrad, 1975), pp. 7-31.
- ¹⁴ See, for instance, Joan Lane, 'Diligent and Faithful Servant', in Lindsey Hughes (ed.), *Peter the Great and the West: New Perspectives* (London, 2001), pp. 71-88.

-
- ¹⁵ Peter Ul'f Meller, "Vnutri ikh po-prezhnemu sidit muzhik": Obraz russkikh v zapiskakh datskogo morskogo komandora Iusta Iulia, poslannika pri Petere Pervom (1709-1711, "Svoe" i "chuzhoe" v literature i kulture (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensis*, IV) (Tartu, 1995), 55.
- ¹⁶ Thomas Consett, *The Present State and Regulations of the Church of Russia*, I (London, 1729), ii.
- ¹⁷ *Ibid.*, pp. xiv-xv.
- ¹⁸ Philip John von Stahlenberg, *An Historico-Geographical Description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia; but more particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary, both in their Ancient and Modern State...* (London, 1738), p. 267.
- ¹⁹ T. [Thomas Birch], 'Peter I', in John Peter Bernard, Thomas Birch and John Lochman, *A General Dictionary, Historical and Critical: in which a New and Accurate Translation of that of the Celebrated Mr Bayle, with the Corrections and Observations printed in the late Edition at Paris, is included; and interspersed with several thousand Lives never before published*, VIII (London, 1739), 343.
- ²⁰ T. Smollett, *The Present State of All Nations*, I (London, 1768), iii-iv.
- ²¹ *Ibid.*, pp. 304-5.
- ²² *Ibid.*, p. 305.
- ²³ *View of the World*, II (London, 1806), 264-70.
- ²⁴ John Trusler, *The Habitable World Described, Or the Present State of the People in All Parts of the Globe, from North to South...*, V (London, 1789), 137-8.
- ²⁵ See my 'The Russian banya in the Descriptions of Foreign Travellers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists', *Oxford Slavonic Papers*, NS XXIV (1991), 13-38.
- ²⁶ Trusler, *The Habitable World Described*, V, 138-40.
- ²⁷ Public Record Office, Kew, Lowry Cole Papers 30/43, 11, f. 94. Cf. Sir John Sinclair's verdict in 1786: "The Russians are yet far behind the other nations of Europe in point of civilization. The nobles who reside in the country, continue as cruel and tyrannical to their peasants and other dependents, as ever" (*General Observations Regarding the Present State of the Russian Empire* ([London, 1787]), p. 4).
- ²⁸ William Richardson, *Anecdotes of the Russian Empire. In a Series of Letters, Written, a Few Years ago, from St. Petersburg* (London, 1784), pp. 192-217.
- ²⁹ *The Aberdeen Magazine* (II (12 February 1789), 62-6. See Paul Dukes, 'An Early Essay on Russian Peasants', *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter*, no. 10 (1982), 63-70. Professor Dukes suggests Sir John Sinclair [see note 27 above] as the possible author; I think it unlikely and favour the other name he mentions, Dr Matthew Guthrie, who a few years later wrote with much sympathy and insight about the Russian peasantry in his contributions to *The Bee*, although the candidature of Richardson should not be discounted.
- ³⁰ A. Swinton, *Travels into Norway, Denmark, and Russia, in the Years 1788, 1789, 1790, and 1791* (London, 1792), p. 128.

-
- ³¹ William Coxe, *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark*, II (5th ed., London, 1802), 158.
- ³² Richardson, *Anecdotes*, p. 197.
- ³³ See, for instance, John Glen King's *Rites and Ceremonies of the Greek Church, in Russia* (London, 1772).
- ³⁴ "It were to be wished perhaps for the Advantage of Learning in Russia that the Lot of the Lower Clergy were ameliorated....[they] are vilified to ye last Degree & his annual Portion is so small that the poorest Peasant lives better than he can" (Antony House, Torpoint, Cornwall, Carew-Pole MSS, CO/R/3/102).
- ³⁵ E.D. Clarke, *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*, I (4th ed., London, 1816), 46.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 136.
- ³⁷ *Ibid.*, pp. ii-iii.
- ³⁸ Tooke, formerly chaplain to the British Factory in Cronstadt and St Petersburg, published after his return to England in 1792 a number of substantial and important works on Russian history and society which were soundly researched but which, his biography of Catherine II apart, did not receive the wide acclaim they deserved (see my *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia* (Cambridge, 1997), pp. 108-13).
- ³⁹ Hugh Walpole, *The Secret City* (London, 1919), pp. 3-4.

* * * * *

Если Бог вездесущ, то и дом Его везде¹

III РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ 18-19 ВВ.

В 1792 г., когда в Москве начались преследования против Ордена розенкрейцеров, князь Николай Трубецкой, член московского кружка Николая Ивановича Новикова, был выслан в свою деревню под строгим запретом вернуться в столицу. Крестьяне князя, говорят источники, на вопрос: «За что Вашего барина сослали?», ответили: «Сказывают, что искал другого Бога».² Ответ простодушный, но в каком-то образе и верный. Иван Лопухин, в своих записках, так описывает занятия философского кружка,³ членами которого были и он и Трубецкой: «Они упражнялись в познании самого себя, творения и Творца, по правилам той науки, о которой говорит Саломон в книге Премудрости, содержащейся в Библии и в писаниях *мужей*, непосредственным откровением просвещенных от Бога» [курсив мой].⁴

Кто это мужи? И что это за науку?

Нам отвечают многочисленные и разнообразные переводы религиозных произведений из разных эпох, появившиеся в России на рубеже 18-19ого веков, благодаря неустанной деятельности членов новиковского кружка и их учеников; сотни таких произведений, и в напечатанном виде и в рукописях, сегодня хранятся в русских архивах и еще ждут своих истолкователей.

Эти богатые архивные фонды в основном сложились в первую половину 19ого века, когда некоторые масоны, ученики Новикова и его товарищей, как С.С. Ланской, Д.И. Попов, С.Н. Арсеньев и другие, начали собирать печатное и рукописное наследство своих «духовных отцов»⁵. При знакомстве с этими собраниями становится отчетливо виден не только весь круг историко-культурных интересов русских розенкрейцеров конца 18ого - начала 19ого века, но и ярко выраженный космополитический характер этих интересов, а также отсутствие преемственности в рамках истории русской религиозной культуры.

Центральное место в составе розенкрейцеровских собраний занимает так называемая «Герметическая библиотека»⁶, принадлежащая самому Новикову, которая представляет собой собрание наиболее популярных среди русского масонства

переводных сочинений; она состоит из 51 тома, из которых многие переписаны почерками С.И. Гамалеи и В.А. Левшина.

Перечисляя другие ценные произведения, находящиеся в архивах, в первую очередь нужно назвать полный объем Герметического свода [Цорпус Черметицум], переведенный с немецкого в 1787 г.⁷ Из сочинений неоплатонической и герметической философии, наряду с Платоном, Ямблихом и Зороастром, необходимо выделить русские переводы произведений Дионисия Ареопагита и Раймунда Люллия⁸ [Дионысус Ареопагита, Раымонд Лулл], а также мыслителей Возрождения, как *Оккультная философия* Агриппы Неттесхеймского [Агриппа вон Неттесчеим, *Де оццулта пчилософича*] и сочинения Парацельса [Тчеопчрастус Парацелсус].

Из средневековой мистики в собраниях присутствуют русские списки трудов Иоанна Таулера, *Немецкая теология* [Иоанн Таулер, *Деутсче Тчеология*] и *О подражании Иисусу Христу* Фомы Кемпийского [Тчомас а Кемпис, *Де Имитационе Цчристи*], многочисленные русские варианты мистических и теософских сочинений 17 и 18 веков — Иаков Беме, Иоанн Арндт, Валентин Вейгель, Молинос, мадам Гийон, Джон Пордедж, Иоанн Гихтель, Готтфрид Арнольд [Иакоб БЧчме, Иоанн Арндт, Валентин Шеигел, Молинос, Мадаме Гьон, Йочн Пордаге, Иоанн Гицчтел, Готтфриед Арнолд] и так далее, а также современных теософов как Сведенборг, Сен-Мартен, Штиллинг, Еккартсгаузен [Сведенборг, Саинт-Мартин, Йунг-Стиллинг, Ецкартсчаусен]. Практически все отцы древнего и нового мистицизма, ренессанского герметизма и современной теософии и даже некоторые авторы, осужденные как еретики западными Церквями, были переведены на русский и внимательно изучались в масонско-розенкрейцерской среде. Нет недостатка и в кабалистических и магических трудах; не говоря о «царице наук» - алхимии: от арабской *Турба пчилософчорум* и *Ампчитчеатрум сапиентиае аетернае* Гейнриха Кунрата [Чеинрицч Кчунратч] до христианских авторов средневековья и начала Нового времени, как Роджер Бэкон или Арнольд да Вилланова, в русских собраниях отражены почти все имена из истории алхимии.

Интересно, что все эти переводы, осуществленные в течение полувека, воспринимались как жгуче современные. Временная последовательность

нарушается и совершенно разнородные тексты сопоставляются независимо от времени их написания, как если бы они были все одновременны. Русским мыслителям московского кружка розенкрейцеров и их ученикам удалось заполнить пробелы, образовавшиеся на протяжении веков.

Как пишет историк Антуан Февр, отличительной чертой европейской эзотерической традиции, которой принадлежат и русские розенкрейцеры, являются неограниченные герменевтические возможности: предыдущие религии и концепции бесконечно истолковываются по-новому, не теряя при этом своего первоначального значения; в то же время, «Истина» каждой определенной религии никак не релятивизируется для верующих в ней. Именно это приводит к эклектизму и многосторонности интересов к разным культурам⁹.

Часто в критике встречаются общие места по поводу синкретизма русских мыслителей. Еще сегодня принято считать, что русские, особенно в эпоху Просвещения, смешивали мистику с пиетизмом, теософией, алхимией, кабалистикой, не имея ясного представления таких предметов, «так что в результате — писал например в прошлом веке историк А. Галахов — выходила смутность, запутанность представлений»¹⁰. Мнение Галахова еще разделяют и многие современные историки, и такая-же картина русского Просвещения нарисована даже в серьезных западных исследованиях¹¹.

Разнообразие интересов и исканий русских розенкрейцеров казалось бы оправдать такое общее мнение. А на самом деле было совсем не так. Нейстовая деятельность перевода и изучения религиозных авторов прошлого и настоящего являлась не плодом неопределенного и поверхностного любопытства и «смутности представлений». Общее место о неразборчивости русских мыслителей, которые берут отовсюду, совсем не соответствует действительности конца 18-ого века, когда выделилось в России особенное, своеобразное религиозное направление, эклектизм которого рождался от принятия определенного культурного проекта.

Этот проект заключался в преобразовании христианства на основе выкупа религиозно-философских учений, входивших в герметическую традицию. Идейные основы такой программы, поставленные Марсилио Фичино, Джордано Бруно и другими философами западного Ренессанса, находятся также в Манифесте *Фама фратернитатис*, изданном в Германии в 1614 г., который

положил начало широкому европейскому движению розенкрейцеров: «Наша философия не новая, — написано в Манифесте, — она такая-же, как Адам ее получил после Падения и как ее исповедовали Моисей и Саломон. [...] Поскольку истина одна, немногословна и всегда себе верна. [...] Где Платон, Аристотель, Пифагор и другие попали в цель, где также Енох, Авраам, Моисей и Саломон отличились, где и величайшая и превосходная книга, Библия, согласуется, в этом все согласны, как в сфере или в глобусе, где все точки находятся на равном расстоянии от центра»¹².

Манифест обращался ко всем ученым и государям Европы и призывал их к борьбе против разделений среди церквей и народов во имя настоящего христианства, с целью всеобщего преобразования религиозного, культурного и политического устройства мира. Этот текст был переведен на русский с немецкого Иваном Петровичем Тургеневым в 1784 г., вслед за голландским и английским переводами, и получил широкое распространение в России в среде масонов розенкрейцерской системы.

В Манифесте русские мыслители нашли оправдание для своего недогматического, синкретического подхода ко всем религиозным воззрениям прошлого и настоящего. В нем обрисованы главные черты той культурной программы, к которой и русские соединились. Это не было просто призывом к выкупу неопределенной древней мудрости, а предложением новой религии, черты которой можно так синтезировать:

- приоритет этики над догматами;
- символическое, кабалистическое толкование Ветхого Завета;
- сближение Ветхого завета к учениям греческих и латинских философов;
- обнаруживание, в Священном Писании и в писаниях Отцов Восточной Церкви, элементов, сходных с древними религиями, особенно египетской, перчитанной сквозь призму Герметического Свода;
- наконец, преобразование христианского учения, обогащенного элементами, взятыми из всех герметических наук.

Только если имеем в виду такую грандиозную программу, нам становится понятным идейное богатство журналов, переводов и изданий конца 18-ого века и можем ориентироваться в огромном, казалось бы хаотическом количестве

рукописных материалов. Эта программа является также красной нитью, которая связывает воедино розенкрейцеровскую деятельность в 18-ом веке и деятельность таких выдающихся представителей александровской эпохи, как Михаил Сперанский, Сергей Уваров, Александр Голицын, Александр Лабзин и многие другие.

Исходя из анализа такого проекта, я смею предложить, применительно этому оригинальному мировоззрению, определение «православный герметизм». Элементы этого «православного герметизма» отражаются уже в философских журналах, изданных Новиковым в 80-е годы. «Вечерняя заря» и «Покоящийся трудолюбец» являются примером попытки ознакомить широкую, непросвещенную публику с основными понятиями герметических наук и с мировоззрением, лежащим на их основе.

Если в «Утреннем свете» можно было заметить еще неопределенный интерес ко всем главным учителям этики прошлых времен (от Сократа до стоиков), в этих журналах уже выделяется особенную ориентацию. С 1782 года началось, например, внимание к Египту: в каждом номере «Вечерней Зари» была помещена статья об египетской религии, с ее понятиями человека, жизни и смерти. И египетское учение соединяется то с изложением герметической теории духа, души и тела, то с выписками из произведений Отцов Восточной Церкви и из Ветхого Завета, часто переложенными в стихи.

Само название некоторых статей из журналов доказывает такое сближение и слияние идейных элементов, взятых из разных традиций. Читаю из оглавления «Вечерней зари» 1782 года: *Из таинственной Египетской богословии нечто о Боге* (январь, с. 79); *Плач Иеремиев преложенный в стихи* (апрель, с. 309); *Мысли почерпнутые из Беседы Златоуста* (июль, с. 195); *Египетское учение о душе мира* (октябрь, с. 167) и т.д. В «Покоящемся трудолюбце» переложения псалмов, рондо из Экклезиаста, оды духовные на библейских мотивах стоят наряду со статьями, содержащими богатые сведения об астрологии, алхимии и магии. Среди древних магов включались не только Моисей, но и Даниил и вообще все пророки Ветхого Завета¹³. Надо иметь в виду, что маг, по герметической традиции, был человеком, чья мудрость основывается не на сверхъестественных свойствах и силах, а на глубоком познании таинственных сил самой природы. Магия означала

установление новых, не известных еще людям связей между природными явлениями. Благодаря всеобщей одушевленности, которая пронизывает всю природу, магия устанавливает связь между «душой мира», заложенной в самой природе, и индивидуальными явлениями. В этом плане, такое понятие было воспринято русскими розенкрейцерами как совместимое с библейским учением, символически истолкованным. «Натуральная магия показывает силы небесных и земных вещей и изъясняет таинства Закона Физическими причинами»; в натуральной магии «из всех смертных искуснее был, сказывают, Саломон; и поэтому премудрость его, влиянную от Бога, Талмудисты называют *хабалистикой*»¹⁴.

Одна интересная статья «Покоящегося Трудюлюбца» посвящена именно кабале. Кабала здесь связывается с четвертой книгой Эздры, «которая от некоторых почитается апокрифическою»; «сию науку, которая передана была Эздre от его предков, один он сохранил целою, чистою и невреждимою в сокровищнице своего разума». Итак, «таинства закона открыты были старейщинам Иудейского народа» и «хотя Моисей и дал народу писанный закон, он скрытнейшее в законе сообщил в тайне». «Искусные» в тайной науке, или в кабале, «во всех народах были отличаемы. Отсюда произошли у Ассирийцов Халдеи; у Персов волхвы, или Маги; у Египтян Иерофанты (жрецы); у Индейцов Брахманы и Гимнософисты; у Галлов Друзиды; у Греков мудрецы и философы. Кабалисты науку свою называют *истинною Метафизикою* и *священным учением*, которое чудесным и божественным искусством через некоторые символы, оставя все земное и отделив всю материю, научает извлекать из формы форму до тех пор, пока дойдено будет до такой материи, которая есть единой формы и не имеет никакой формы»¹⁵.

Существуют, продолжает автор статьи, и внешнее толкование Библии, и символическое, или «кабалистическое». От этой «священной кабалы», которая «весьма нужна к объяснению Священного писания», черпали Отцы Церкви: Киприан, Августин, Св. Иероним и многие другие¹⁶.

Также церковные учителя, напр. Климент Александрийский или Василий Великий, различали двоякое значение книг ветхозаветных: *экзотерическое*, или внешнее, буквальное, и *эзотерическое*, или внутреннее, духовное, символическое. Первое, как общедоступное, назначалось для большинства, неспособного обнимать чистую

истину в форме понятий и поэтому требовавшего ее представления в образах; второе, как высшее, предлагалось умам духовно-зрелым, готовым переводить понятия и символы в чистое знание.

Идею превосходства эзотерического толкования Библии в 17ом и в 18ом веке возобновили немецкие мистики (Арндт, Беме) и французские кветисты, по следам Мадам Гийон¹⁷. Этого учения держались и русские эклектики¹⁸.

Именно в таком символическом плане, они считают, Библия согласуется с учениями «просвещенных мужей» всех времен. Священное Писание сказывает, и философская химия показывает, пишет Александр Лабзин, издатель «Сионского вестника»¹⁹.

Понятными становятся тогда обвинения в ереси, предъявленные митрополитом Евгением против «Сионского вестника», которые были причиною его закрытия; по мнению митрополита, в изъяснениях Троицы и других таинств откровения Лабзин «вносит объяснения мистико-масонские; сравнивает Евхаристию с какой-то воплощенной солнечной эссенцией, везде присутствие Божие - с воздухом, а неделимость - с пламенем; допускает безпредельность тела Христова, а что погубнее всего - приписывает и духу шаровидную форму. Наконец, ветхозаветных праотцев он не отличает от мудрецов языческих»²⁰.

Попытку оболыщения читателей видел в журнале и автор анонимного донесения под заглавием *Безпристрастное мнение о Сионском вестнике 1817 года*, сохранившегося в рукописи. Следя подробно за книжками журнала, доносчик заключал: «1. Сионский вестник не только не признает христианскую религию единственным путем спасения, но даже не дает ей никакого преимущества перед прочими верами; 2. он насмехается над словом воплощение; 3. противу свидетельства евангельского, уверяет своих читателей, что Христос не говорил о догматах и таинствах; 4. отрицает таинства крещения, евхаристии, откровения и уничтожает евангельскую проповедь; 5. таинство священства называет внешним обрядом, приводит пастырей в недоверие и обращает в посмеяние чин монашествующих; 6. дает прямо уразуметь, что не признает догмата об исхождении Св. Духа и готов думать по-католически, что Дух Святой исходит от Отца и Сына»²¹.

«Вера Христова не знает никаких разделений верующих от неверующих, ветхого человека от нового»²², писал в самом деле Лабзин. «У нас идет как бы война между любителями внутреннего и приверженцами наружного. Стоит только заговорить что-нибудь о внутреннем, чтобы попасть или в Духоборцы, или в Мартинисты! Я знаю, что самого отца Восточной Церкви, Исаака Сирина, не постыдились назвать Мартинистом, потому что в книге его содержится учение о внутренних путях освящения человека, согласное с мнениями тех, коих называют Мартинистами»²³. Но это только «предрассудки просвещения и мнимого православия», заключает Лабзин; «мы не найдем у Спасителя никаких толков о догматах и таинствах Церковных, а одни практические аксиомы»²⁴.

Согласно с учением Марсилия Фичина о «*присца тчеология*», Лабзин считал, что христианство существует от сотворения мира, нет и никогда не было ни язычников, ни идолопоклонников. В нерукотворном храме находятся все просвещенные всех времен. Разделение церквей и сект основано единственно на гордости разума, который искажает истинное христианство²⁵. Церковь Христова беспредельна: она заключает в себе весь род человеческий.

Уже издатели «Покоящегося Трудолюбца», в 80-е годы предыдущего века, боролись против всякого рода религиозного фанатизма и против «мракобесов», которые отказывались от чтения нехристианских авторов; их обвинениям анонимный автор одной из статей журнала отвечал: «Я — стихотворец и православный христианин, хотя правда иногда и употребляю такие выражения, кои пахнут язычеством»²⁶. «Сионский вестник» Лабзина собрал это идейное наследство и развил его в александровскую эпоху, борясь за свободу мысли и исповедания. Через журналы, переводы и разнообразные издания, русские эклектики предложили новую систему человеческой нравственности, которая должна была прийти на смену господствующим религиозным культам, основанным на нетерпимости. Освобожденное от суеверия и религиозного страха человечество в самой природе найдет основание нового нравственного идеала.

Отличительные догматы каждого христианского вероисповедания они считали поэтому не основными; существует только одна вера и одна истина, на основе которой образуется *общее универсальное христианство*. Это не просто проявление веротерпимости, а что-то другое: это выражение глубокого убеждения в том, что

все религии, несмотря на разнообразие внешних обрядов, разделяют общую, единую сущность.

Краеугольным камнем своего мировоззрения русские мыслители ставят убеждение Псевдо-Августина в том, что религия христианская существовала уже у древних и не переставала существовать от начала рода человеческого до воплощения Христа: с этой-же эпохи истинная религия, уже существовавшая, стала называться религией христианской²⁷.

Этим объясняется их уважение к античным писателям и философам. Уже в «Утреннем свете» Новикова находились переводы из Эпиктета, Плутарха, Платона, Цицерона. И Лабзин в «Сионском вестнике» 1806 года пишет: «Однажды, случайно, прочтя только Цицеронову книжку *О должностях*, я поражен был его чистыми понятиями о нравственности, и, обратясь к чтению других авторов, с удивлением увидел, сколь древние вообще были ближе к понятиям и истинам христианским, нежели мы, имеющие писанное Евангелие и называющиеся христианами»²⁸.

Философ Дю-Туя [Й.П.Дутоит-Мамбрини, *Де ла пчилосопчие дивине*], чья *Божественная философия* была переведена и издана Лабзиным в 1818-1819 гг., выражался еще решительнее: «Собрав места из древних философов и стихотворцев о религии, мы увидим почти полную систему всех божественных таинств, представляемых нашей вере откровением»²⁹.

Идейное наследство розенкрейцеров 18ого века собрали, в александровскую эпоху, также члены Российского Библейского Общества³⁰; среди них были, вместе с Лабзиным, и М. Сперанский, А. Голицын, А. Тургенев, С. Уваров, архимандрит Филарет Дроздов. В личностях таких выдающихся лиц государственная деятельность курьезно сочеталась с изучением, переводом и распространением религиозных произведений, принадлежащих другим культурным традициям. Официально, целью Российского Библейского Общества являлось издание Священного Писания на разных языках Империи: его члены считали, что, если текст Священного Писания будет доступным и языческим народам, им тоже будет ясно, что существует одна единственная общая истина, всеми принимаемая. Целью было тогда не столько обращение язычников к христианству, сколько распространение познания и «общей религии». Но, исходя из такой точки зрения,

было совсем правильным и даже необходимым распространять, вместе с Библией, и произведения герметических авторов, мистиков и теософов всех времен.

Проект нового перевода Ветхого Завета прямо с еврейского языка, начатый членом Библейского Общества Герасимом Павским под руководством архимандрита Филарета Дроздова, также освещается новым смыслом³¹. Это не была просто филологическая операция: на ее основе лежало убеждение в том, что в тексте Ветхого Завета зашифровано глубокое учение, которое еще ждет истолкования. И такое-же учение, скрытое в его символическом языке, находится также в других основных религиозных текстах - в Герметическом Своде, в Талмуде, в Торе, и т.д.

Новым смыслом освещается и культурная программа будущего Министра Народного Просвещения Сергея Уварова. Хотя нельзя сказать, что Уваров сочувствовал мистическому настроению других членов Библейского Общества, тем не менее он с ними разделял конкретные программы и цели. Известен интерес Уварова к Востоку и вообще ко всем религиозным традициям прошлого; об этом свидетельствует каталог огромной библиотеки, принадлежавшей ему и его сыну Александру, которая сегодня хранится почти полностью в особом фонде Московского Исторического Музея³². Эта библиотека Уваровых — около 70.000 томов — включала все шедевры герметической и мистической традиции, в оригинальных изданиях и в русском переводе. Самые объемистые разделы библиотеки были посвящены теософии, алхимии, мистике, оккультным наукам³³; трудно объяснить присутствие в библиотеке таких богатых собраний только на основе чисто филологических, научных интересов владельцев.

Первым из опубликованных работ Сергея Уварова явился «Проект Азиатской Академии» (1810), написанный под руководством Игнаца Фесслера, известного ориенталиста, масона, профессора еврейского языка в Петербургской Духовной Академии по приглашению Сперанского³⁴. В своем проекте Уваров излагал идею, что молодая Россия должна искать силу и свежесть на Востоке, в тех древних, забытых источниках откуда Европа ведет свое начало. Ввод в науку восточных рукописей может повлечь за собой расширение мировосприятия, поскольку Восток, и особенно Индия, есть «средоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу»³⁵.

Уваров подчеркивал преемственность религиозных идей между Востоком, Грецией и христианским Западом. Период неоплатонизма создал «интеллектуальный мост» между языческой и христианской эпохами; через неоплатонических философов индийские корни метафизической концепции о сотворении мира нашли отражение в западной христианской философии, как доказывает — считал Уваров — внимательное изучение источников. Он обнаруживал, например, сходство древнего языческого ритуала Элевсинских мистерий, в котором посвященным открывались высшие истины о бессмертии души и единстве божества, с некоторыми ритуальными формулами индийского происхождения³⁶; и, еще, сходство между сюжетом мифа о Геркулесе и двенадцати знаках Зодиака с преданием о Христе и двенадцати апостолах: этот античный сюжет следовало рассматривать как еще одну попытку язычников примириться с христианством в неоплатоническую переходную эру.

Поэтому в «Азиатской Академии», по его проекту, должны были бы читаться курсы по всем языкам и литературам не только классическим, но и древнего Востока: в первую очередь санскрит.

Когда, в 1819 г., Уварову удалось временно осуществить свой проект учреждения Санкт-Петербургского Университета, он пригласил гебраиста Герасима Павского на кафедру богословия, известных иностранных эллинистов и ориенталистов на кафедры греческой литературы, восточных филологий и литератур³⁷.

Интересно то, что писал Жозеф де Местр о проекте Уварова: он резко осуждал попытку автора отыскать единый источник религиозных и философских учений, сходство между христианской философией и платонизмом, поскольку подобные взгляды могли привести лишь к недогматическому отношению к религии, а в конечном счете и к отделению культуры от церкви³⁸. Такие слова доказывают, что современники ясно понимали связь и идейное сходство между мировоззрениями Уварова и религиозного эклектического движения его эпохи.

Убеждения и культурную программу Уварова разделил также Михаил Сперанский. Изучением религиозных текстов, принадлежащих другим культурам, особенно восточным, он занимался и в годы своей политической карьеры, и в период ссылки в Сибири. О широте его интересов свидетельствует богатое собрание рукописей, переводов, выписок хранящихся в его архиве: среди них

находятся выписки из мистических авторов средневековья, из Талмуда, из Отцов Церкви, даже из китайских философских текстов³⁹.

Влияние на Сперанский неоплатонических идей Плотина и Прокла, им внимательно изучаемых через сочинения приписываемые Дионисию Ареопагиту, выражается в одном письме к другу Феофилакту. В нем Сперанский упоминает, среди «светоспособных древности», членов школы Пифагора и Платона⁴⁰.

В других письмах из Сибири, Сперанский рассказывает друзьям свои размышления, вызванные разговорами с некоторыми монахами, которые «не чужды - пишет он - высшим степеням созерцательной молитвы. Ею, - продолжает Сперанский - молятся и в Индии, и в Саровской пустыне, ибо о Христе Иисусе несть ни Иудей, ни Еллин, но все нова тварь»⁴¹.

Такое-же убеждение отражается и в переписке Сперанского с Александром Голицыным. Последний, в одном письме 1817ого года, ему писал: «Истинно странно, что наше духовенство мало занимается переводами древних отцов, публику нужно с ними ознакомить и тогда бы увидели, что то, что находят новым в новейших авторах мистических, есть очень древнее учение от Христа и Апостолов Его дошедшее до первых времен церкви, потом потерявшееся в большей части наружных христиан, но сохранившееся в скудных обителях и в некоторых душах. [...] Надобно молиться, чтобы сии понятия наиболее распространялись. Конечно к сему послужит и действие Библейского Общества чрез чтение Священного Писания и переводы, взятые из столь хороших источников каковыми вы занимались»⁴².

В творениях Отцов Восточной Церкви русские эклектики находили существенное сходство с главными идеями мистического учения, особенно с понятием внутреннего «возрождения»: Исаак Сирий, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит — их писания, как и творения Таулера, Бема или Арндта, служили руководством на пути этого духовного возрождения, которое ведет к «обожению» человека. «Войди во внутреннее сокровище твое, - учил Исаак Сирий, - и ты узришь сокровище небесное. То и другое едино есть, и входя во едино - узриши и то, и другое. Лествица царствия небесного сокрыта внутри тебя - в твоей душе»⁴³.

Розенкрейцер Семен Гамалея в своих нравоучительных письмах развивал такую же идею: как писал Иоанн Арндт, все Священное Писание должно духовно совершаться в человеке силою веры. И «кто захочет найти его в себе, тот несомненно найдет, ибо что было, есть и будет в сем великом мире, то все было, есть и будет в малом мире»⁴⁴.

До полного принятия пантейстического представления сотворенного есть только один шаг. «Вся вселенная жизнь имеет, яко и планеты и звезды. Сего и в себе сыскиваем»⁴⁵, читается в одной розенкрейцерской рукописи. И еще: «Герметики обучают, что человек есть магнит; и от него зависит камень свой внутренний изготовить так, что он наполнится материей света и из дикого, мрачного очистится»⁴⁶. Итак, целое творение исходит из Бога и в Бог возвращается. «Человек и все сотворенное — писал Иван Лопухин, — живет и плавает в Боге, да будет Бог все во всем и все в Нем войдет в святой непостижимый кроме Ему Самому Элемент Божества»⁴⁷.

На основе сходства, ими установленного, между православным учением и герметическим мировоззрением, объясняется сочувствие многих представителей Православной Церкви эклектизму розенкрейцеров; они были искренно убеждены, что изучение мистических и герметических авторов и языческих философов могло только оживить православие.

Клеветнического обвинения в пантеизме и еретическом мистицизме не избежал даже известный представитель православной иерархии Филарет Дроздов, будущий московский митрополит, который целое десятилетие сотрудничал с Библейским Обществом. Действительно, в его проповедях на каждом шагу встречаются такие мистические понятия как «сумрак веры» или «таинственный мрак», через которого проходит путь веры. Приведу только один пример из *Слова на третий день праздника Рождества Христова* 1812 года, где последняя степень пути веры так описывается: «Пусть человек теряет весь мир, теряет себя самого в беспредельной глубине своего ничтожества: сия беспредельность есть предел сообщения с беспредельным Божеством. Пусть, по изречению псалмопевца, исчезает душа его: она исчезает во спасение»⁴⁸.

Сущность проповедей Филарета 10-х годов состоит в типично мистико-герметическом убеждении, что соединенный с Богом человек может ощущать еще

на земле не только такие блага, наслаждение которыми предоставлено в небе, но даже и такие, которых самые небеса не вмещают. Доступное человеку возрождение так велико, что самые ангелы завидуют возрожденному⁴⁹. И возрождение человека приносит с собой и искупление материи, которая целиком становится божественной. Эти идеи не были чужды православной монашеской традиции. Уже в 16ом веке существовало в России особенное религиозное движение, представители которого были осуждены как еретики при Иване Грозном. Такие личности, как Матфей Башкин, Феодосий Косой, старец Артемий, уже попытались обновить православие, благодаря выкупу «старинной мудрости», скрытой в Библии; и «где Библия согласуется, в этом все согласны», как написано в манифесте *Фама фратернитатис*⁵⁰. Своим духовным отцом они считали Нила Сорского, по учению которого, «в мертвенном еще теле таинственный вкушает бессмертной пищи; еще в этом маловременном мире сподобляется той радости, которая хранится в небесном отечестве»⁵¹.

В это время на Западе дискуссия об истинном христианстве, вызванная сначала еретическими движениями 17ого века, а потом сочинениями Мадам Гийон и Фенелона, уже давно погасла. В конце 17-ого века, Папа Иннокентий XII осудил книгу Фенелона *Объяснение изречений святых отцов о внутренней жизни*, в котором автор изложил свое учение о чистой любви и утвердил, что есть в этой жизни состояние совершенства, рай на земле, доступный человеку через путь возрождения.

Русские эклектики встали на сторону французских кветистов предыдущего века, исходя из собственной православной традиции подвижничества и из позиции «православного герметизма». По мнению Сперанского, начало и установление в нас царствия Божия равно возможно и действительно так в земной организации, как в будущей жизни: «Тайна искупления нашего - пишет он - состоит в предложении душевного в духовного, в *преобождении*, которое начинается в сей самой жизни и совершается в вечности»⁵². Это «преобождение» (неологизм самого Сперанского) — сущность и цель христианства. И к этому не могут вести исторические Церкви, которые потеряли первоначальное учение Христа.

В начале 19-ого века, благодаря издательской деятельности Лабзина и членов Библейского Общества, классики мистической и теософской традиции стали

доступными и широкой публике. Принцип тайны, на котором основалась масонская жизнь, потерял свое значение. Религиозная политика Александра II вызвала иллюзию, что начинается уже построение Царства Божия на земле. Манифест Священного Союза было воспринято русскими мыслителями круга Сперанского и Голицына как реализация утопии соединения всех Церквей и религий в политическом плане. В журнале «Сын отечества» М. Греч приветствовал Акт Союза такими словами: «Скоро древо благодати раскинет ветви свои по всем странам шара земного, и все люди будут братьями, все царства членами одного общества, коего глава есть Сын Божий, а помазанники его на земле - исполнители! Общая Христианская Республика составила...»⁵³. И в «Русском вестнике» Сергей Глинка прославлял царя, который «восстановил веру и закон»; благодаря Священному Союзу «мир воцарился, мир блаженный»⁵⁴.

С 1815 года, М. Греч, С. Глинка, А. Лабзин и другие писатели начали распространять через свои журналы политико-религиозную программу Священного Союза; в то-же время их стихи и художественные произведения открылись мистическим темам и переложениям сцен из Ветхого Завета, символически истолкованных⁵⁵.

Таким образом идеи, содержащиеся в произведениях теософов и мистиков и изложенные в журналах как «Сионский Вестник», стали отражаться и в художественной литературе и слились с классицистскими мотивами, взятыми из переводов западных поэтов сентиментализма.

Мотивы о образы стихотворений и поэм русских авторов начала века внешне очень похожи на те, которые находятся в стихах Новалиса и вообще в мистических стихах немецкого предромантизма. Но философские и религиозные корни мировоззрения первых русских романтиков находятся не столько в Шеллинге, сколько в писаниях подвижников, в *Добротолюбии* и в произведениях мистиков и герметических философов К обильный источник для изображения внутренней, созерцательной жизни.

Раффаелла Фаггионато

Примечания

¹ Филарет Дроздов, *Слово на освящение домово́й церкви графа А.К. Разумовского*, 30.7.1816, в кн. *Сочинения митрополита московского Филарета Дроздова*, I (Санкт-Петербург, 1873), 227-8.

² Д. Гумилевский [Бишоп Филарет], *Обзор русской духовной литературы* (Санкт-Петербург, 1884), с. 410.

³ О московском кружке розенкрейцеров см. мою работу 'Un'utopia rosacrociiana. Massoneria, rosacrocianesimo e illuminismo nella Russia settecentesca: il circolo di N.I. Novikov', *Archivio di storia della cultura*, X(Napoli,1997), cc. 11-276.

⁴ *Записки сенатора И.В. Лопухина*, под ред. А.И. Герцена и Н.П. Огарева (Лондон, 1859, репринтное издание: Москва, 1990), cc. 20-1.

⁵ Об истории сложения архивных масонских фондов см. *Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР. Указатель*, 2 тт. (Москва 1962-3).

⁶ Российская Государственная Библиотека - Отдел рукописей (далее РГБ-ОР), Ф. 14: Собрание Арсеновых, nos. 1579-1628.

⁷ Гермеса Трисмегиста *Познание естества и открывающегося в нем великого Бога*. В семнадцати книгах содержащееся. Перевод с немецкого изложения по греческим и латинским подлинникам (1787), РГБ-ОР, Ф. 14, н. 898. См. также Национальная Российская Библиотека - Отдел рукописей (далее НРБ-ОР), Ф. 550: Масонские рукописи, О.ИИИ.25, О.ИИИ.62. Единственный серьезный, хотя не полный каталог герметической литературы, находящейся в русских архивах до сих пор остается: *500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах* (Амстердам, 1993).

⁸ Произведение *Ars magna* Раймунда Люллия читали в 18ом веке и в старообрядческой среде, и в монастырях. Один из списков этой книги содержит запись о том, что он принадлежал служителю Соловецкого монастыря (см. В.В. Иванов, 'Россия и гнозис', в кн. *500 лет гнозиса в Европе*, цит., с. 14). Первый русский перевод этого сочинения появился в 1725 году. См. НРБ-ОР, ф. 550, О.ИИИ.194.

⁹ См. A. Faivre, *L'accès de l'ésoterisme occidanta l* (Paris, 1986), pp. 30-31-39-49.

¹⁰ А.Д.Галахов, 'Обзор мистической литературы в царствование Императора Александра I', *Журнал Министерства Народного Просвещения*, CLXXXII, no.11 (1875), 89.

¹¹ См. например D. Smith, *Working the Rough Stone. Freemasonry and Society in 18th-Century Russia* (DeKalb, 1999).

¹² Фама фрaternитатис, или Братства высокохвального ордена Р.К., к государям, разного состояния людям и ученым в Европе. Перевод с немецкого брата Вегетуса [И.П. Тургенев], 1784. РГБ-ОР, Ф. 14, н. 178 и Российский Государственный Архив Древних Актов, ф. 196: Собрание Ф.Ф. Мазурина, no. 434.

¹³ См. 'О мире, его начале и древности'. *Покоящийся Трудолюбец*, ч. 2-3 (1785).

¹⁴ 'О науке называемой кабале', *Покоящийся Трудолюбец*, ч. 4 (1785), 103.

¹⁵ Там же, сс. 95-8.

¹⁶ Там же, с. 100.

¹⁷ Например, *Песнь песней* изображает, они считают, таинственное сочетание души с Христом; история Каина и Авеля - это ветхий и новый человек, брань между плотью и духом, и так далее. См. *Избранные сочинения г-жи Гюйон или изъяснения и размышления на Притчи, Экклезиаст, Песнь Песней и Премудрость царя Саломона*, 5 ч., Санкт-Петербург 1823.

¹⁸ См. 'Дух и истина (О двояком смысле слов Священного Писания)', *Сионский вестник* (сентябрь 1817).

¹⁹ 'Дружеская беседа на день Преображения Господня', *Сионский вестник* (август 1806).

²⁰ *Москвитянин*, ч. 4, по. 8 (1818), 137.

²¹ НРБ-ОР, Ф. 550, Ф.ИИИ.45, листы 49-96.

²² 'О разделениях между христианами', *Сионский вестник* (октябрь, 1817), с. 4.

²³ Там же, с. 7.

²⁴ Там же, с. 19.

²⁵ Там же, сс. 20-39.

²⁶ *Покоящийся Трудюлюбец*, ч. 1 (1785), 225.

²⁷ См. Блаженного Августина, 'Единобеседование души с Богом', в кн. *Избранная библиотека для христианского чтения* (Москва, 1784).

²⁸ *Сионский вестник*, ч. 1, по. 1 (1806), 22-3.

²⁹ Дю-Туа [J.P.Dutoit-Mambrini], *Божественная философия*, 6 ч. (Москва, 1818-19), том 2, кн. 4, гл. 4.

³⁰ Об истории Российского Библейского Общества см. А. Н. Пыпин, 'Российское Библейское Общество (1812-1826)', в его-же кн., *Исследования и статьи по эпохе Александра II. I: Религиозные движения*, (Петроград, 1916), сс. 3-293.

³¹ См. М.И. Рижский, *История переводов Библии в России*, (Новосибирск, 1978).

³² Московский Исторический Музей (ГИМ), Ф. 17: Библиотека графов Уваровых.

³³ A Ladrague, *Sciences secrètes. Catalogue de la biblioteque du Comte Alexis Ouvaroff* (Moscou 1870).

³⁴ Фесслер был также основателем философского кружка «Полярная звезда», членами которого были и Сперанский, и Уваров. См. мою статью 'M. Speranskij e A. Golitsyn: il riformismo rosacrociario nella Russia di Alessandro I', *Rivista storica italiana*, CXI, no. 2 (1999), 423-75.

³⁵ S.S. Ouvaroff, 'Project d'une Académie asiatique', в его-же кн. *Études de philologie et de critique* (Санкт-Петербург, 1843), pp. 21-3. Цитирую по русскому переводу Жуковского, 'Мысли о заведении в России Академии Азиатской', *Вестник Европы*, no. 1 (1811).

³⁶ S.S. Ouvaroff, *Essai sur les mystères d'Éleusis* (Санкт-Петербург, 1812).

³⁷ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), Ф. 733, оп. 20, н. 184: Об учреждении при Главном педагогическом институте кафедры восточных языков. См. также Ц. Виттекер, *Граф Сергей Уваров и его время* (Санкт-Петербург, 1999), сс. 91-92; В.В. Григорьев, *Императорский Санкт-Петербургский Университет* (Санкт-Петербург, 1870), сс. 10-21.

³⁸ J. de Maistre, 'Lettre critique sur le Projet d'une Académie asiatique', в кн. S.S. Ouvaroff, *Études de philologie et de critique*, цит., сс. 49-65. См. также 'Письма Жозефа де Местра к С.С.Уварову', *Литературное наследство, XXIX-XXX* (Москва, 1937), 677-712.

³⁹ НРБ-ОР, Ф. 731-М.М. Сперанский, нн. 1761-1833: Работы по богословию.

⁴⁰ Письмо М.М. Сперанского к Феофилакту, 15 октября 1804, в кн. *В память графа Сперанского*, I Санкт-Петербург, 1872), 379. Не надо забывать, что сочинения Ареопagitы входили в круг обязательных чтений учеников новиковского кружка. Они были впервые переведены на русский в 80-е годы иеромонахом Моисеем Гумилевским, сотрудником «Типографической Компании» Новикова; см. Дионисий Ареопagit, *О небесной иерархии* (Москва, 1786); *О церковной иерархии* (Москва, 1787). Книга Дионисия Ареопagitа о таинственном богословии включена в список книг, взятых из палат Н.И. Новикова после его ареста и воспрещенных духовными цензорами. См. *Чтения в Историческом Обществе Истории и древностей Российских*, no.3 (1871), 18.

⁴¹ *В память графа Сперанского*, цит., с. 480.

⁴² Письмо А.Н. Голицына М.М. Сперанскому (2.3.1817), НРБ-ОР, Ф. 731, н. 2049, лл. 4-5.

⁴³ *Добролюбие или словеса и главизны священного трезвения*, ; ч. 2 (Москва, 1793), 37, 41.

⁴⁴ *Письма С.И.Г. [С.И. Гамалеи]*, I (Москва, 1836), 186.

⁴⁵ ОР-РГБ, Ф. 147, н. 142, л. 8.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ И.В.Лопухин, *Нравоучительный катихизис истинных франк-масонов* (Москва, 1994), с. 47. Об особенном пантеистическом мистицизме М. Сперанского см. его-же сочинение, сохранившееся в рукописи, *Записки о соотношении между творцом и тварью, богом и миром, богом и человеком*. НРБ-ОР, Ф. 731, н. 1797.

⁴⁸ *Сочинения Филарета Дроздова*, цит., с. 274.

⁴⁹ 'Дух и истина', *Сионский вестник* (, декабрь 1817) сс. 307-10.

⁵⁰ См. L. Ronchi De Michelis, *Eresia e riforma nel Cinquecento. La dissidenza religiosa in Russia* (Torino, 2000).

⁵¹ *Нила Сорского предание о жительстве скитском* (Москва, 1849), с. 51.

⁵² *В память графа Сперанского*, цит., сс. 395, 487.

⁵³ *Сын отечества*, по.1 (1816), 38.

⁵⁴ *Русский вестник*, по. 1 (1815), 93; по. 2, 80.

⁵⁵ См. например стихотворения Глинки 'Искание Бога, Жизнь анакоретов', или его сонет 'Луна'.

* * * * *

REVIEW

В. Н. Топоров, *Из истории русской литературы, Том II, Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, Материалы, Публикации*. М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие, книга I (Москва, Языки Русской Культуры, 2001). 905 сс.

Начнем с расшифровки чуть загадочного титульного листа: перед нами первый полутом (с. 22) труда, посвященного писателю сентименталисту Михаилу Никитичу Муравьеву (1757-1807), и составляющего в свою очередь второй том серии о русской литературе известного многогранного ученого В. Н. Топорова. Два подзаголовка точно определяют характер работы. Действительно, это не монография в традиционном смысле, а "введение в творческое наследие" Муравьева, состоящее из "исследований, материалов и публикаций", очевидно подготовленных в разное время, в течение более чем полувекового "общения" исследователя (с. 11) с поэтом и прозаиком, влиятельной фигурой екатерининской и александровской эпох.

Смысл подобного издания можно понять, только если учесть те парадоксы творческого пути и литературной репутации писателя, о которых говорит сам Топоров в *Предисловии*. Муравьев интенсивно печатался в период самой ранней молодости, а затем, занимаясь преимущественно педагогической (в период 1787-1797, как учитель в кн. Александра Павловича, его брата и невесты) и общественной деятельностью (с как товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского Университета), он почти не публиковал самые интересные стихотворные и прозаические сочинения; тем не менее, его творчество знали и высоко ценили крупные литераторы, такие, как Н. Карамзин, В. Жуковский и К. Батюшков. Он оставил очень богатый архив, на основе которого были составлены первые, очень вольные, посмертные издания его сочинений (1810, 1815, 1819-1820), оказавшие влияние и на Пушкина; но о нем скоро забыли, и только начиная с 1960-х гг. к его

бумагам стали обращаться русские и западные исследователи, выявляя поэтические тексты, далекие от штампов классицизма (Кулакова), письма, предвещающие художественную прозу последующих десятилетий (Лазарчук, Западов) и педагогические повести и рассказы, образцы раннего сентиментализма (Фоменко, Росси). Но эта недавняя относительная популярность Муравьева осталась в пределах узких кругов специалистов и не повлияла на представления о характере русской культуры последней четверти XVIII-начала XIX вв.

Вместе с тем, красной нитью в книге Топорова проходит идея возможностей, скрытых в многогранном творчестве, в общественной деятельности и в самом человеческом типе (с. 23) Муравьева, и недооцененных русским обществом — начиная с его же сыновей-декабристов: идеал культуры широкой и углубленной, обращенной к будущему и пронизанной историзмом, русской и европейской, теоретической и практической, трезвой и полной гуманизма, просвещенной и далекой от экстремизма. Поэтому, хотя Топоров и подчеркивает необходимость составления научного собрания сочинений Муравьева, намечая контуры издания и приглашая к этому труду ряд исследователей (с. 25), его главная цель в данной книге — представить перед публикой по возможности полную картину творческой деятельности и культурных интересов писателя в связи с его личностью и на фоне эпохи (с. 23).

Нет возможности даже бегло коснуться всех тем, которым автор посвящает интересные монографические отступления, приложения и примечания, как нет необходимости приводить все места, которые на наш взгляд нуждались бы в уточнении, пересмотре, иногда простой редакторской и корректорской правке. Делом будущего остается также подробный разбор муравьевских текстов, здесь опубликованных впервые. Ограничимся поэтому лишь указанием на основные главы и проблемы, решенные — или оставленные открытыми — в первом масштабном труде о Муравьеве.

Вопреки акценту, сделанному автором на личность писателя, книга построена не по биографическому, а по жанровому (и тематическому)

принципу, и мы находим синтетический обзор этапов творческого пути автора только в приложении, посвященном его восприятию Вольтера (с. 245-246). В данном полутоме речь идет о — соответственно — наименее и наиболее изученных областях творчества писателя, о Драматургии, которой он занимался в период молодости, не завершая однако ни одного произведения (часть А), и о Прозе, ставшей его главным занятием с конца 1780-х гг. (часть В).

Первый и самый широкий раздел первой части построен как настоящая монография и посвящен неоконченной трагедии *Болеслав*, о соперничестве двух братьев за престол и за любимую женщину в Польше XII века. В начале Топоров приводит все известные мемуарные записи, доказывающие значение для Муравьева этой пьесы, над которой он серьезно трудился в течение 1770-х гг. (пар. 1), соотносит этапы работы над ней с политической ситуацией эпохи раздела Польши (пар. 2), и публикует серию рукописных материалов, отражающих разные моменты творческой истории *Болеслава* с сравнительным текстологическим комментарием (пар. 3). Автор берет как основной самый полный (I действие и 5 явлений II действия) и внешне завершенный список трагедии, беловик, хранящийся в Российской Национальной Библиотеке; второстепенное значение придается и другой рукописи из того же архива, откуда публикуется (различное) II действие. Следуют материалы, хранящиеся в Российской Государственной Библиотеке: прозаический вариант I действия; ценное прозаическое *Расположение Болеслава* и мемуарная запись 1779 г.; наконец приводится поздняя баллада на ту же тему, *Болеслав, король Польский*. Ввиду предварительного характера публикаций (с. 24), Топоров, относящийся впрочем исключительно бережно к языковому аспекту данных текстов, не считает нужным заниматься их датировкой и палеографическим описанием.

При их чтении раскрываются существенные расхождения и противоречия в намечающихся развязках и даже в именах персонажей, которые станут предметом подробного обсуждения в центральных разделах разнообразного пятого параграфа. Здесь наблюдения об

оригинальности решения не выводить на сцену одного из соперников (с. 176), о возможной развязке трагедии и о структурных причинах ее незавершенности (с. 236) очень проницательны; но, может быть, следовало бы начать с более точной реконструкции отношений между различными фрагментами при помощи других существующих материалов. В том же параграфе рассматриваются и такие аспекты как установка на "историчность" и психологизм Муравьева (с. 191), соотношение лирического и эпического (с. 201-202), стих, ритмика, рифма (в частности глагольные и другие грамматические рифмы), соотношение стиха и предложения, эпитеты и другие особенности поэтической речи писателя.

А в тринадцати разделах и подразделениях четвертого параграфа Топоров подвергает тщательному сравнительному анализу исторические и литературные источники трагедии, извлеченные из ряда новых мемуарных записок: латинскую хронику Герборда, *Российскую Историю* Федора Эмина, *Историю Польскую* П. Ж. Солиньяк де ля Пимпи (в переводе того же Эмина), *Алеланде дю Гесклен* Вольтера, национально-исторические трагедии И.-Э. Шлегеля (*Германн и Канут*), наконец сумароковские *Хорева*, *Синава* и *Трувора*, и *Мстислава*. На основе пространных цитат на русском, латинском, немецком и французском языках Топоров доказывает относительную близость муравьевской трактовки исторической темы к линии Солиньяка-Эмина, наличие точек соприкосновения с творчеством Шлегеля и преимущественное значение драматургического опыта Сумарокова. Если определение "трагедия" для этих полутора явлений кажется едва ли не преувеличением, то несомненной заслугой Топорова можно считать раскрытие широкого культурного и поэтического потенциала неудавшегося эксперимента Муравьева. Первый раздел завершают два содержательных приложения о специфике его восприятия творчества Вольтера и Сумарокова.

Второй раздел первой части озаглавлен *Другие драматургические опыты М. Н. Муравьева*, хотя включает и прозаические тексты и материалы, собранные по ассоциативному принципу. В первом параграфе исследователь публикует по самому полному списку незавершенную

сентиментальную комедию *Простосердечная, или Сила первой склонности* с пояснительными замечаниями, носящими предположительный характер: судя по списку основной литературы о Муравьеве (с. 522-524, прим. 8), Топоров не ознакомился со статьей, отражающей доклад, прочитанный автором этих строк на пятой международной конференции Study Group-а, где как датировка, так и текстология комедии определялись, кажется, точно. Во втором параграфе опубликованы (в неправильном порядке) четыре явления ранней редакции той же комедии, где главную героиню зовут Лиза. Это делает из них "первую составляющую «Лизина» текста Муравьева" (с. 326), между тем как вторая составляющая — это замечательный фрагмент в эпистолярном жанре конца 1770-х гг., опубликованный в третьем параграфе под заглавием *Лизины письма*, а третья — все стихотворные тексты, где упоминается имя Лиза, Елиза, Елисавета (с. 337).

В четвертом, пятом и шестом параграфах впервые публикуются с коротким комментарием и без датировки три незавершенных драматических текста, объединенных темой добра/добродетели: ранняя *Добродетельная ложь*, героическая комедия, в стихах, *Добросердечный*, поздняя комедия нравов, и *Добрый барин*, комическая опера на деревенскую тему конца 1770-х гг.. Внимание уделено жанру комической оперы, ее сюжетным схемам и влиянию на комедию начала XIX века. Итак, за исключением давно известной юношеской стихотворной трагедии, *Дидона*, которая даже не упоминается, в этом разделе Топоров представляет полную картину драматургического творчества Муравьева и обосновывает его изучение как самостоятельной области литературной деятельности писателя.

Вторая часть книги состоит из пятнадцати параграфов, в свою очередь состоящих из многочисленных подразделений, посвященных прозе Муравьева, как повествовательной, так и теоретического характера. Трудно сказать, каким принципом руководился исследователь при расположении текстов: они следуют друг за другом ни в хронологическом, ни в жанровом порядке, а, возможно, по нисходящей линии интереса. Во всех случаях Топоров приводит пространные цитаты —

часто, увы, из редакторских, а не авторских изданий, сопровождаемые комментарием-пересказом, иногда и детальным разбором стилистических, идейных и культурных особенностей текста.

Опираясь в основном, хотя и с некоторыми оговорками и противоречиями, на результаты новейших исследований, в том числе и автора этих строк (см. особенно сс. 478-480), в данной части Топоров представляет тексты, написанные как книги для чтения для молодого в. кн. Александра, и известные под заглавием *Обитатель предместия и Эмилиевы письма*, данным им Батюшковым, как сложную и содержательную эпистолярную трилогию (*Эмилиевы письма*, *Обитатель предместия*, *Берновские письма*), и даже как опыт "на пороге" того, что в XIX веке будет "свободным романом" Пушкина, Лермонтова и Гоголя (с. 390). Параграф, посвященный *Эмилиевым письмам*, открывается необыкновенно детальным разбором короткого начального *Предуведомления*; следуют пронизательные наблюдения о различных культурных обертонах имени главного героя, о специфике повествовательной структуры произведения, о "блоках повторяющихся [в нем, Л. Р.] тем" (с. 424): от "передвижений" до мира чувствований и духовной культуры. Ценны и топографические уточнения. Иначе построен третий параграф, об *Обитателе предместия*, как произведении о "людях, природе, культуре, прошлом" (с. 447) в форме аддисоновских "периодических листов": каждому листу отведена специальная главка и, пересказывая его содержание, исследователь подчеркивает те аспекты, которые предвещают, или только напоминают, достижения последующих эпох и литературных школ. Подобные сопоставления встречаются еще чаще в параграфе о *Берновских письмах*, где к тематическим линиям пейзажной и бытовой добавляется и литературная. Исследователь высоко ставит муравьевские переводы античных и современных классиков и подчеркивает особое значение произведения как "свидетельства об уровне гуманитарной образованности, достигнутом" русским Просвещением (с. 480). Здесь, как и в других местах, в пространных примечаниях Топоров развивает побочные темы, такие, как русское восприятие названных

иностранных авторов (Руссо, Гомера, Дората, Геллерта, Юнга, Бартелеми, Вергилия), или другие предметы неустанного интереса Муравьева.

На результатах недавних исследований основан и пятый параграф (*В пространстве трилогии*), где представлено двенадцать текстов, связанных с трилогией смысловыми ассоциациями и сквозными персонажами: первые девять из них образуют, по определению Топорова, "«Феонин» цикл (текст)", по имени идеальной хозяйки дома, где происходит действие. Исследователь развивает наблюдения автора этих строк о значении фрагмента как единицы построения сложного и свободного комплекса текстов, подчеркивая особенно их автобиографическое звучание. В анализе отдельных рассказов, помимо их идейного направления, рассматриваются такие аспекты как ритм и стиль повествования в *Феоне* и *Утренней прогулке* (с. 572, 592), отголоски манеры Стерна в *Осени* (с. 580), этимология фамилии одного из героев, Алетова (с. 583, 589). Заключает параграф короткое *Приложение* о теме "пользы", центральной в "драматической сказочке" *Доброе дитя* (с. 609-613).

В шестом параграфе собраны и прокомментированы так называемые "тексты «передвижений»", отражающие "освоение пространства", от прогулки по Петербургу до путешествия на Север России, до "виртуального" (с. 643) плавания между Сицилией и Италией. В этом параграфе стираются границы между дневниковыми записями (*Набросок прогулки по Петербургу*, *Путешествие в Москву*) и повествовательными (педагогическими) произведениями из современной (*Путешествие в Архангельск*, *Путешествие праздного человека*) или античной (*Евандрова повесть*) жизни, а также между новейшими исследованиями И. Фоменко и автора этого обзора и узко-биографическими истолкованиями как в статье Н. Жинкина 1913 г. (ср. с. 624, 660). Поэтому, хотя мы и находим в нем интересные уточнения и проницательные указания, в итоге роль и значение отдельных текстов в муравьевском творчестве и в культуре эпохи остаются не вполне выяснены.

В параграфах с седьмого по двенадцатый представлены и прокомментированы статьи, педагогические рассказы и "разговоры

мертвых" разным образом освещающие такие темы, как "цивилизация" и "нравственность" (пар. 7, А и В), "закон и право", "человек" ("антропный" текст), "природа", "история", "язык и письмена". В основном исследователь умно организует и систематизирует мысль Муравьева-преподавателя, воспитателя будущего царя Александра I, собранную и распространенную в посмертных изданиях; однако, в рамках т. н. "текста" цивилизации он публикует и интересный "дневник чтений" 1779 г. по рукописи Российской Государственной Библиотеки. В своих комментариях и примечаниях Топоров выделяет прежде всего перспективность муравьевского мышления, предвещавшего открытия Карамзина и Пушкина, его актуальность и созвучия с современными теориями (семиотическими, психологическими, экологическими, о типологии исторических процессов и т. д.), но и его укоренение в европейской просветительской мысли (Кондорсе, Адам Смит, Монтескье, Гиббон, Робертсон, Боллингброк, Фергюсон). Делом будущего остаются, вместе с тем, восстановление по рукописи авторской редакции многих текстов, определение их статуса и назначения (самостоятельного опыта, или конспективного изложения прочитанной книги), выявление источников. Тринадцатый параграф пополняет картину интересов Муравьева публикацией серии иных текстов из архивов писателя: среди них выделяется поздняя статья *Понятие технологии*, с развернутым и содержательным комментарием.

В последних параграфах представлены тексты, очень различные по жанру и времени написания, не связанные с педагогической деятельностью Муравьева. Исторической повести *Оскольд*, о "русском" походе на Царьград в 866 г., посвящена маленькая монография, с приложениями, превосходящими по длине основной текст. Исследователь считает, что данная повесть, приближаясь больше всех прозаических произведений Муравьева к "представлениям о «художественности», господствовавшим [...] на рубеже XVIII-XIX веков", когда она была написана, в самобытности и новаторстве уступает его эпистолярной трилогии (с. 805). Правда, и в *Оскольде* Топоров подчеркивает близость к поэтике "«фрагмента», [...] сознательной недосказанности", как объяснение

формальной неоконченности произведения (с. 808), но его еще больше интересуют связи с культурой и поэтикой "северных" народов, этимология личных имен различного происхождения, которыми пестреет повесть, и их стилистическая функция, параллелизмы и тематические повторы. Приложение 1 начинается словарем эпитетов в повести, но содержит также прокомментированный перечень сравнений и "кеннигообразных ходов". Особо стоит Приложение 2, Слово "бард" [аналог "скальда" повести]— «освоение чужого», настоящий трактат со своим эпиграфом, главками, длинными примечаниями-отступлениями и списком литературы. Определив необыкновенно сложную и ответвленную индоевропейскую этимологию слова и проследив историю его употребления в XVIII в., исследователь старается доказать, что в России XX в., где само по себе оно не вызывало никаких смысловых ассоциаций, оно пустило новые корни и снова обрело свое первичное значение.

Последний параграф второй части книги посвящен подробному и глубокому анализу формальной и идейной организации своеобразной серии коротких этюдов, опубликованной Муравьевым в 1778-м г. под заглавием *Дщицы для записывания*. Ссылаясь на эпиграф из Овидия, исследователь подчеркивает значение "хаотичного" расположения фрагментов, но указывает и на присутствие тонкой ткани унифицирующих элементов.

В конце первого полутома — и в ожидании второго полутома о муравьевских стихотворениях и письмах — можно подвести некоторые предварительные итоги. Если в этой книге В. Н. Топоров говорит о "муравьевоведении" как о самостоятельной отрасли литературной науки (с. 17), то следует признать, что его основополагающая работа свидетельствует столько об интересе и плодотворности досконального изучения писателя, сколько же о трудностях предприятия, на наш взгляд обусловленных прежде всего необработанностью муравьевского рукописного наследия. По этому поводу, нельзя не отметить небрежное обращение исследователя с первичными и вторичными источниками: при публикации неизданных текстов иногда без оговорок предпочтение

отдается не автографу, а плохим спискам XIX в., напечатанные статьи и рассказы цитируются по разным изданиям и истолковываются по разному, одни и те же исследования или исследователи то обильно цитируются, то вообще игнорируются. Если учесть и прихотливое расположение материалов, разнообразие исследовательских подходов, и саму манеру изложения, с частым употреблением эмфатической разрядки, то, при всей тщательной и детальной разработке отдельных тем, этот труд можно пожалуй определить не как систематическое исследование, а как "опыт прочтения" муравьевского творчества исключительно эрудированным, чутким и несколько капризным (ср. с. 22) читателем и восторженным его почитателем. И в этом отчасти состоит интерес своеобразной книги Топорова: в свидетельстве встречи через века двух в известной степени родственных умов и талантов.

Laura Rossi (Università di Milano)

* * * * *

Participants in the Conference on St Petersburg

Fitzwilliam College, Cambridge

30 August – 1 September 2002

EDITOR'S POSTBAG

EDITORSHIP

This is the thirtieth issue of the *Newsletter* I have edited and my energy is beginning to flag! I am due to retire in two years' time and I propose to edit the next two issues together with my colleague, Dr Alessandra Tosi, who will, I hope, take over the editorship from 2005.

NEXT MEETING OF STUDY GROUP

High Leigh Centre, Hoddesdon, UK, 6-8 January 2003

MONDAY 6 JANUARY

17.00 Ursula Stohler (UK): "I Will Create Whatever I Want to': Naturalness as a Source of Mastery in the Works of Sentimentalist Women Poets"

20.15 Inna Semenova (Russia): "Dukhovnaia kul'tura pervoi treti XVIII veka, na primere monastyrskikh i arkhieieiskikh podvorii Sankt- Peterburga"

TUESDAY 7 JANUARY

9.30 Alessandra Tosi (UK): "Eighteenth-Century Traditions and Issues of Gender in Volkonskaia's 'Laura' (1819)"

11.30 Simon Dixon and Lindsey Hughes (UK): "Religious Ritual at the Russian Court in the Eighteenth Century."

17.00 Rosalind P. Gray (UK): "Empress Maria Fedorovna as a Patron and Artist"

20.15 Business meeting, including further discussion of 2004 International Conference.

WEDNESDAY 8 JANUARY

9.30 Michela Venditti (Italy): "Poet i nevyrazimoe: dukhovnye ody G. R. Derzhavina"

11.30 Manfred Schube (Germany): "Devich'ia igrushka' i frantsuzskie sborniki frivol'noi poezii XVIII veka"

The total cost for conference fee and two days' accommodation in room without bath, with all meals and beverages from tea on Monday to lunch on Wednesday, is £89. There are also a few rooms with private bath available at a total cost of £112. (One-day rates and meal rates for non-residents are available on request.) Payment is in pounds sterling only, please. Visitors from abroad may pay in cash (UK pounds) at the conference. (NB. The Centre cannot accommodate guests before or after the conference.)

Also, if anyone out there is planning to attend the British Association of Slavonic and East European Studies conference in Cambridge (29-31 March 2003), please note that Professor Hughes is organising a round table on 'What's New in Eighteenth-Century Russian Studies?' and is seeking contributors to speak about any aspect of our area: their own research, recent publications, recent and forthcoming conferences.

Contact for both events Professor Lindsey Hughes, School of Slavonic and East European Studies, Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU
tel. (+44) 0171 862 8572

CONFERENCE ON ANGLO-RUSSIAN RELATIONS

An international conference, entitled 450 YEARS OF ANGLO-RUSSIAN RELATIONS (1553-2003), will be held at the Wilson Centre, Fitzwilliam College, Cambridge from Friday 29 August (post-lunch) to Sunday 31 August (to lunch) 2003. It will follow closely the format of the highly successful conference on St Petersburg held in August 2002.

The conference will be limited to TWENTY FOUR SPEAKERS who will give papers of NO MORE THAN TWENTY MINUTES' DURATION in either ENGLISH or RUSSIAN. There will be four panels, each of six speakers, one on the Friday, two on the Saturday and one on the Sunday morning. There will be ample time for discussion (if speakers keep to the time limit!).

The division of the panels is chronological (16-17th centuries; 1698-1825; 1825-1917; 1917 to the present). Papers are sought on any aspect of Anglo-Russian relations, literary, cultural, economic, diplomatic, etc, but it is hoped that speakers will seek a

judicious balance between the specific and particular and the wider context. It is expected that a selection of papers will be published.

The Wilson Centre can accommodate a maximum of 53 participants (43 single rooms and five twins, all en-suite) and all sessions will be plenary in the 60-seater adjacent Cameron Lecture Theatre. The Centre has its own bar and common room, but meals, including the banquet, will be taken in the main College dining hall. The all-inclusive cost will be £175 (£160 sharing room).

The offer of papers and/or the reservation of places for prospective paper-givers, auditors, partners should be made as soon as possible - by email (agc28@cus.cam.ac.uk) or by post (Professor Anthony Cross, Fitzwilliam College, Cambridge CB3 ODG)

CONFERENCE ON TREDIAKOVSKII

The Sector for the Study of Eighteenth-Century Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii dom) is organizing a conference to mark 300 years since the birth of Vasilii Kirillovich Trediakovskii in March 2003. The organizers are N.D. Kochetkova, S.I. Nikolaev and N.Iu. Alekseeva. Anyone interested in taking part, should email nikolaev@AN303g.spb.edu

PUBLICATIONS BY MEMBERS

I fear that the following listing reflects merely a fraction of the monographs and books published over the last year by members of the Group. My apologies, but I would appreciate some notification of such publications from authors.

Anna Lisa Crone, *The Daring of Derzhavin: The Moral and Aesthetic Independence of the Poet in Russia* (Bloomington, Indiana: Slavic Publishers, 2002), 256 pp.

G.R. Derzhavin, *Poetic Works: A Bilingual Album*, edited by Alexander Levitsky, translated by Alexander Levitsky and Martha T. Kitchen, and with a note on the translations by Lauren G. Leighton (Providence, Rhode Island: Dept of Slavic Languages, Brown University, 2001), 590 pp. (A quite beautiful and scholarly production, a joy to behold and to hold.)

Janet M. Hartley, *Charles Whitworth: Diplomat in the Age of Peter the Great* (London: Ashgate, 2002), xvi + 242 pp.

Thomas Newlin, *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738-1833* (Evanston: Northwestern Univ Press, 2001), 232 pp.

Thomas Barran, *Russia Reads Rousseau, 1762-1825* (Evanston: Northwestern University Press, 2002), 336 pp.

Lindsey Hughes, *Peter the Great : A Biography* (New Haven and London: Yale University Press, 2002), xviii + 285 pp. (Following an illustrious example, a small Peter to accompany her Big Peter!)

Lindsey Hughes (ed.), *Peter the Great and the West: New Perspectives* (London: Palgrave, 2001), xxiv + 280 pp. Proceedings of the Greenwich conference of 1998)

Gerry Smith [Dzheral'd Smit], *Vzgliad izvne. Stat'i o russkoi poezii i poetike* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002), 525pp. (Includes four classic studies on eighteenth-century poetry and a Selected Bibliography of his work)

Simon Dixon, *Catherine the Great* (London: Longman, 2001), xii + 196pp.

Isabel de Madariaga, *Russia in the Age of Catherine the Great*, now available in paperback from Phoenix Press, London, @£14.99.

Gyula Szvak (ed.), *The Place of Russia in Eurasia* (Budapest, 2001), 355pp. (Papers, including some by Study Group members) from a conference held in May 2000).